

Ксения Баштовая

Надежда Федотова

Карты, деньги, две стрелы

Не во всякой игре тузы выигрывают!

Надежда Федотова

Карты, деньги, две стрелы

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

Федотова Н. Г.

Карты, деньги, две стрелы / Н. Г. Федотова — «АЛЬФА-КНИГА», 2014

Что делать, если тебя проиграли в карты? И не кто-нибудь, а любимый супруг! Очень интересный вопрос. А вот другой: что делать, если вас обвиняют во всех смертных грехах? Причем совсем не в тех, в которых вы действительно виноваты. Тоже очень интересно? Тогда поставим третий: а что будет, если две эти беды встретятся?

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	22
Глава четвертая	29
Глава пятая	40
Глава шестая	51
Глава седьмая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Надежда Федотова, Ксения Баштовая

Карты, деньги, две стрелы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава первая

Матильда

«Хочешь умереть – затей спор с полукровкой». Народная мудрость, однако. А народ, что ни говори, ошибается редко... И вот теперь придется, похоже, проверить эту мудрость на себе...

Я бы никогда не решилась на такое, но порой бывает, что обстоятельства оказываются сильнее тебя. Настолько сильнее, что горло перехватывает от слез, но при этом надо держать себя в руках и хранить на лице улыбку. Уж чему-чему, а этому за двадцать лет жизни, дарованной каждому из смертных Матерью Рассвета, да пребудет она с нами, я научилась в совершенстве.

– Матильда, ты меня слушаешь?

Бархатный голос Шемьена задел какие-то струнки в моей душе, в горле встал ком, но уже через мгновение я вернула на лицо маску спокойствия. Подняла на некогда любимого супруга взгляд:

– Разумеется, милый. Я вас прекрасно слышу.

Он вздрогнул, как от пощечины:

– Я... Я не понимаю! Матильда, я... я просто поступаю как честный человек! Я дал тебе... тебе, не вам, я не хочу переходить на такое обращение!.. Дал тебе свое имя, но последние события просто вынудили меня... Это мой долг! Я не могу позволить, чтобы какой-то милез подумал, будто слово дворянина ничего не стоит! Я...

– Я все понимаю, – перебила я Шемьена, но если бы кто знал, каких усилий мне стоило сказать эту короткую фразу. – Я прекрасно вас понимаю. Я понимаю, что только злое колдовство заставило вас сесть за ломберный стол...

– Я этого не говорил! – вспыхнул супруг.

– За ломберный стол, – повторила я, позволив себе слабую улыбку. – Не менее злое колдовство послало вам не те карты. – В глазах закипали слезы, но я нашла в себе силы говорить спокойно. – И уж конечно же не менее злое чародейство заставило вас после очередного проигрыша поставить на кон меня.

– Я не говорил, что это колдовство! – Голос сорвался на визг.

Он опять обтрепал все манжеты. Надо будет сказать Элуш. Пусть проследит, чтобы починили.

– А что же это может быть? – Я автоматически крутила в руках какой-то предмет. – Конечно, колдовство. Разве вы, Магьяр Шемьен, гвардеец Тарского полка, могли проиграть в карты свою супругу иначе, как под действием злых чар?

Ты не имеешь права плакать, Магьярне Калнас Матильда. Слышишь? Ты не имеешь права плакать.

Раздался сухой треск. Я сломала свой веер...

Муж замер, хватая ртом воздух и не зная, что сказать. Возможно, он ожидал моих слез. Возможно, надеялся, что я начну кричать. Мне это неизвестно.

Обломки веера полетели в угол – слуги потом уберут. А мой короткий жест, похоже, и стал решающим.

– Ваш будущий супруг приедет через три дня. – Надо же, Шемьен тоже перешел на «вы». Он отвесил короткий поклон и выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

Все, что мне оставалось после этого, – разреваться, спрятав лицо в ладонях.

Следует быть честной хотя бы с собой. Мои проблемы начались не сегодня, когда супруг проигрался в пух и прах, и даже не вчера, когда он сел за ломберный стол.

Все началось гораздо раньше. Три года назад.

Мне тогда едва-едва исполнилось семнадцать лет. Тарский лейб-гвардии полк прибыл на постой в славный город Арпад... И вечером на балу я увидела его... Магьера Шемьена... Ему было уже двадцать три. Он прекрасно танцевал, непринужденно кланялся, держал себя как настоящий дворянин... Я не устояла перед его чарами.

Мой отец с самого начала выступил против нашего брака – хорошо хоть перед алтарем Матери Рассвета не проклял – и сразу сказал, что Шемьен, будучи младшим сыном в семье, не имеет никакого права на получение наследства, а значит, просто гонится за моим приданым. Я не поверила.

И теперь расплачиваюсь за свою глупость.

Шемьен только в течение первых шести месяцев притворялся, что любит меня. Цветы, серенады, страстные поцелуи... Все это закончилось, едва зарядили первые осенние дожди. Нежно любимый супруг, уволившийся из полка сразу после свадьбы, начал пропадать на охоте, спускать деньги за карточным столом, рассказывать, будто чем-то занят. Служанки шушукались о его неверности...

Я закрывала на это глаза. Надеялась, что он образумится. Оплачивала его долги и лечила его раны после дуэлей. А сегодня утром, в светлый праздник Зеленого Отца, Шемьен сообщил, что этой ночью он проиграл меня в карты.

Меня! Урожденную кнесну де Шасвар! В карты! Как простую крестьянку!

Получается, через три дня меня разведут с Шемьеном и обвенчают... С кем? Я ведь даже не знаю, кому он меня проиграл. Обронил в разговоре, что выиграл какой-то милез, но это необязательно значит, что победитель родом из Фирбоуэна.

Великая Мать, какой ужас...

Истерика длилась долго. Пару раз в комнату заглядывала Элущ, явно хотела что-то сказать, но, увидев меня в слезах, вновь куда-то убегала.

В итоге я поняла, что не смогу. Не смогу прийти под своды храма, не смогу согласиться на развод, не смогу, в конце концов, обвенчаться неизвестно с кем! Я кнесна, а не крестьянка! Я вольна сама выбирать, с кем мне связать судьбу!

Пальцы медленно коснулись висевшего на шее золотого образка. На одной стороне изображение той, что дает начало всему, – Матери Рассвета, а на другой – все три бога: Мать Рассвета, Зеленый Отец и Вечный Змей у их ног. Вечный Змей, принимающий всех умерших... Что ж. Я вольна сама выбирать. И я выбираю. Лучше умереть... лучше умереть... лучше...

Яды я отсеяла сразу. Это слишком ужасно. Кинжал? Ни за что! Нет, конечно, у меня есть при себе небольшой клинок, благо современная мода позволяет носить его на поясе и дамам, но одно дело – читать о том, как какая-нибудь Ильдико не выдержала мук любви и вонзила клинок в сердце, и совсем другое – испробовать на себе.

И тут мне на ум пришла старая пословица: «Хочешь умереть – затей спор с полукровкой».

Кнесат Шасвар находится на самой границе с Фирбоуэном. Еще лет двадцать назад здесь шли ожесточенные бои, но, хвала Матери Рассвета, наш император Лёринц Третий смог заключить хрупкий мир. Сами по себе отношения между Унгарией и Фирбоуэном добрососедскими назвать сложно, скорее это вооруженное перемирие. Люди не особо привечают нелюдей, а те в свою очередь отвечают горячей неприязнью ко всем представителям нашего рода. А вот полукровок не любят по обе стороны границы.

Неудивительно, что полукровки, живущие близ границ государств, крайне щепетильно относятся к своей чести и готовы за малейшее оскорбление вступить в бой.

Получить по голове дубинкой в мои планы не входило. Слишком уж это неприлично. Но зато что может мне помешать заявиться в мужской одежде в какое-нибудь более-менее пристойное заведение и, обронив пару слов, устроить дуэль? Фехтовать я не умею, так что всего несколько минут – и я уже буду на дороге в обитель Вечного Змея.

Решиться, безусловно, было очень тяжело. Но стоило лишь на миг представить, что через три дня я стану супругой неизвестно кого... Лучше уж смерть!

Подобрать подходящее мужское платье оказалось посложнее. У меня его отродясь не водилось, пришлось рыться в гардеробе супруга – благо тот, оклемавшись от спора со мной, если это можно назвать спором, уже куда-то отправился. Небось, как шепчутся служанки, на улицу Красных фонарей завернул, мерзавец.

Еще труднее было разобраться со шнуровкой на собственном платье. Элуш я звать не стала, разболтает ведь всему дому, что ярядилась в костюмы супруга, объясняй потом, что да как, – пришлось самой разбираться с проклятыми завязками. Провозившись некоторое время, но так и не дотянувшись до шнуровки на спине, я не придумала ничего лучше, кроме как вспороть одежду кинжалом. После этого дело пошло веселее.

Но увы, после нескольких примерок я окончательно поняла, что моему плану сбыться не суждено: рубашки Шемьена были мне велики, рукава камзолов приходилось подворачивать, а брюки... На поясе отсутствовало такое количество дырочек, чтобы как следует затянуть его.

Внезапно в глубине шкафа я разглядела черный, шитый золотом камзол. Ох, точно: его сшили месяца четыре назад, но портной неправильно снял мерки и Шемьену он почему-то не подошел. Уже не помню почему. Может, слишком маленький?

Ага, как же... Скорее наоборот.

Да, припоминаю, камзол даже Шемьену был великоват – и по росту, и по размаху плеч, и по ширине ворота.

Но не идти же в самом деле в женском платье! Мне нужно, чтобы меня убили, а не ограбили! Причем убили сразу и бесповоротно, мучиться я совершенно не хочу. Нужно срочно решить, что делать.

Чуть слышно скрипнула дверь... Великая Мать, неужели муж вернулся?! Не приведи боги он застанет меня здесь!

На пороге комнаты стоял мальчишка-слуга. Худощавый, невысокий и чуть лопоухий. «Тадди», – вспомнилось его имя.

Мальчишка огляделся по сторонам, увидел через открытую дверь гардеробной меня в несоразмерно большом костюме супруга и пораженно выдохнул:

– Госпожа?..

Великая Мать, за что мне это? Какие грехи я совершила?!

– Что ты здесь делаешь?

– Я... – Тадди потупил взгляд. – Господин послал меня... – Слуга запнулся, не зная, как сказать.

– Послал за чем?

– Разрешите? – Он робко шагнул в комнату.

Получив благосклонный кивок, Тадди приблизился к письменному столу, подхватил перо с чернильницей, тяжелой, малахитовой.

– Он собирается что-то писать?

Мальчишка замер, а потом, крепко зажмурившись, замотал головой.

– Тогда что?

– На кон...

У меня сердце упало. Я... Честно, я даже не знаю, что хуже. То, что Шемьен, только вчера проиграв меня, свою супругу, данную ему перед ликом Матери Рассвета, сегодня опять садится за карточный стол, или то, что вчера он поставил на кон меня, хотя мог обойтись чернильницей.

Тадди осторожно отступил на шаг, другой.

– Стой.

А он ведь с меня ростом. И телосложение примерно такое же.

– Раздевайся.

На лице слуги расплылась блаженная улыбка. Он выпустил чернильницу, потянулся к вороту рубахи...

– Стой! – взвизгнула я, сообразив, что сказала совсем не то, что собиралась.

Я помотала головой, приводя мысли в порядок, а потом, путаясь в чересчур длинных рукавах рубахи супруга, подхватив с пола остатки своего платья и поддерживая сползающие брюки, направилась к двери, соединяющей мои комнаты и комнаты Шемяна.

– Пошли, – обронила я через плечо.

Элуш чинно сидела на пуфике возле кровати, что-то зашивая. Иголочка так и мелькала в ее руках.

Услышав шаги, камеристка подняла голову:

– Госпожа? У вас все в порядке?

Боги, чувствую, сбежать из дома так просто не удастся.

Выгнав мальчишку в коридор и строго-настрого наказав никуда не уходить, я с помощью Элуш переоделась в платье, более приличествующее моему положению, и вновь позвала Тадди. Тот терпеливо дожидался указаний за дверью.

В комнату мальчишка так и не вошел. Остановился на пороге, смущенно переминаясь с ноги на ногу, сверля взглядом пол и не отваживаясь поднять глаза на меня. Впрочем, я сама сейчас чувствовала себя не лучше. Что ему сказать? «Мне нужны твои одежда и обувь»? И как это будет выглядеть? Кнесна де Шасвар требует у слуги отдать вещи?! Да он же растреплет на каждом углу! Я потом даже в обители Вечного Змея позора не оберусь!

Положение спасла Элуш. Всплеснув руками, она подбежала к двери и вцепилась в рукав молоденькому слуге:

– Да что же это такое делается?! Ты что себе позволяешь?! Нет, вы только посмотрите на него! Пришел к госпоже, а у самого все ботинки в навозе!

– Я... Это самое... – неуверенно начал Тадди. – Не виноватый я. Я просто за чернильницей...

– За какой чернильницей?! – не успокаивалась камеристка. – К хозяйке зашел, а сам обтрепанный, как последний оборванец. Не позволю я, чтобы глаза госпоже мозолил своим видом непотребным! А ну пошли! Где твоя комната?! Пока не переоденешься, я тебя в покои не пущу! – И прежде чем я успела вымолвить хоть слово, Элуш потащила его куда-то в коридор, оставив меня потрясенно размышлять о том, с каких это пор слуги командуют в доме. Я явно что-то упустила.

Минут через пятнадцать из-за двери послышалось деликатное поскребывание. Элуш воровато заглянула в комнату, осмотрелась и радостно заявила:

– Прогнала я его, госпожа. Вы уж простите меня, да только сердце кровью облилось, как я увидела, что он грязными чеботами да по резному паркету. Еще батюшка ваш говорил, что нельзя так. А он ходит! И ни сраму-то, ни совести!

Я остолбенела. Моя последняя надежда найти мужское платье только что благополучно скончалась. И из-за кого?! Из-за моей же камеристки! Да, она буквально вырастила меня с пеленок, она находилась рядом сколько себя помню, но... Но как теперь быть?!

Я медленно опустилась в кресло, обхватив себя руками за плечи... И вздрогнула, когда проскользнувшая в комнату Элуш, зажав под мышкой какие-то вещи, встряхнула, словно выколачивая пыль, неприметный серый камзол:

– Нашла я у него, госпожа, что попроще. Вам же именно такое и нужно было?

Пока я изумленно молчала, пытаюсь подобрать правильные слова (неужели все уже поняли, что я хочу сделать?!), женщина продолжила как ни в чем не бывало:

– Я ведь сразу поняла, едва вас с ним увидела, что вы прогуляться решили. Ваша матушка, пусть Вечный Змей будет к ней благосклонен, точно такая же была. Сколько ее

помню, чуть луна полная, так она из дому прочь. Даже когда уже перестала в лебедушку перекидываться.

Служанка, похоже, начала заговариваться. Мама – и перекидывалась? Да к оборотничеству только фении способность имеют!

Тем более что отец терпеть не мог нелюдей.

Можно, конечно, предположить, что речь идет о каком-то проклятии, но мне бы наверняка рассказали! Нет, определенно заговаривается. Возраст дает о себе знать.

Элуш меж тем сама поняла, что ляпнула что-то не то, и поспешно поменяла тему разговора:

– Вы сейчас переодеваться будете, госпожа? Или ближе к вечеру, как стемнеет, в город отправитесь?

Честно говоря, я просто не знала, что и сказать. Мысли прыгали, как лисы в игре в подбрасывание. Голова кружилась, а во рту стоял противный металлический привкус.

Элуш истолковала мое молчание по-своему:

– Да вы не бойтесь, госпожа, я вас к черному ходу проведу. Матушку ведь вашу выводила из дома, так никто, кроме хозяина, и не знал ничего. Ни одна живая душа!

Нет, она явно с ума сошла! Чтобы мама – и тайком выбиралась из дома?! Плетет невесть что, фантазирует... Ладно, главное не это, а чтобы она меня вывела потихоньку.

Но прежде нужно решить еще один вопрос. Точнее, два. А если совсем уже точно – три.

Переодевшись с помощью все той же Элуш в мужское платье, я остановилась перед зеркалом. Так, тонкое обручальное кольцо с гравировкой оставим в шкатулке на столе, незачем моим убийцам еще и его забирать. Кулон я все равно снять не смогу, спрячем его под рубашкой. А вот с волосами пришлось повозиться.

Я и так и эдак крутилась перед зеркалом, под шляпу их прятала... Но все равно на мужчину не похожа! Да даже если я волосы заплету, это ничем не поможет! Да, в последнее время появилась мода на мужские косы, Шемяен, например, такие носит, но не могут быть у мужчины кудри до пояса! Не могут!

Я оглянулась на камеристку, молчаливо наблюдающую за мной, и вытащила из шкатулки для рукоделия ножницы. Что я в конце концов теряю? Все равно умру через несколько часов.

Особо мучиться с прической не стала. Сухое клецанье – и кое-как обрезанные волосы осыпались на пол. Получилось криво и косо, но мне сейчас не до красоты. Элуш испуганно охнула, зажав рукой рот:

– Да что ж вы делаете-то, госпожа!

Вот теперь я действительно готова.

Помоги мне, Вечный Змей! Взываю к воле и силе твоей...

Примерно через час в мужском костюме и в гордом одиночестве я переминалась с ноги на ногу перед дверью заведения «Зеленая ундина». Криво намалеванная вывеска не могла вызвать ничего, кроме приступа страха: то ли художник никогда не видел ундин, то ли, наоборот, видел, но решил не делиться своими впечатлениями. Как бы то ни было, но посетителей жуткое, нарисованное над входом в таверну существо с бирюзовыми патлами, торчащими в разные стороны, не отпугивало – народ просто толпами валил внутрь. А за то время, пока я топталась в нерешительности, вышибалы вынесли на улицу несколько подвыпивших гуляк. Один из выпивох, кстати, даже оказался полукровкой... Значит, мне непременно надо туда попасть! Оставалось только решиться войти.

Из трактира слышались взрывы смеха, звучала музыка... А я все никак не могла собраться с силами. И лишь когда на улицу выкинули то ли пятого, то ли шестого посетителя, шепнула короткую молитву Матери Рассвета и толкнула дверь.

В первый миг я буквально оглохла от того шума, что стоял в помещении. Кого здесь только не было! Беловолосые фении соседствовали с мисами, закутанными в ниспадающие одеяния. Лаумы со стрекозиными крыльями неспешно беседовали с людьми. Метисы разговаривали с чистокровными...

Пробежала, балансируя заставленным подносом, молоденькая девушка – младше меня, это точно. Я пригляделась и охнула, увидев выглянувшие из-под длинного подола юбки козы копытца. Тут еще и агуане есть!

Я помотала головой и огляделась по сторонам, пытаюсь найти подходящую кандидатуру на роль своего убийцы. Пора наконец заканчивать эту комедию!

Мрачного милеза, полукровку в зеленом мундире с серебристо-черными нашивками капрала Порубежной стражи, сидевшего у самой стойки, я сначала не заметила. Проходила мимо его столика и случайно столкнула на пол лежащий на столешнице тяжелый клеймор, наполовину вынутый из ножен.

– Осторожней! – зло буркнул мужчина, отставляя в сторону кружку с каким-то напитком. Поднял упавшее оружие и даже не удостоил меня вниманием.

– Извините, – тихо выдохнула я, поспешно отходя от него.

Отступила на несколько шагов спиной вперед, толкнула какого-то фения и окончательно стушеввалась, когда тот, скептически скривившись, обронил что-то о молокососах, шляющихся по приличным заведениям.

Стоп! Я ведь зачем сюда пришла? Затем, чтобы меня убили. И, кажется, вот этот подозрительный тип с клеймором как раз подходит. Во-первых, у него большой меч. А во-вторых, он точно полукровка! Для фения кожа слишком смуглая, для человека – волосы седые, таких в молодом возрасте не бывает, а он явно молод, может, чуть постарше Шемьена. Осталось только придумать повод...

Уже через несколько минут двуручный меч полукровки вновь полетел на пол.

– Смотри, куда идешь, мальчишка! – ощерился мужчина, бережно поднимая клинок.

– Смотрите, где свои мечи оставляете! – не осталась я в долгу.

Мой собеседник скривился, смерил меня взглядом и отвернулся. Вечный Змей! Никогда не думала, что совершить самоубийство настолько трудно! Хотя... Кажется, у меня появилась идея.

Бросила на прилавок мелкую монету. Трактирщик вопросительно посмотрел на меня, и я указала пальцем на первую попавшуюся бутылку. Получив кружку с каким-то дико вонючим пойлом, вновь двинулась мимо столика полукровки.

В третий раз спихнуть его меч на пол оказалось сложнее. Проклятый метис предусмотрительно придерживал клеймор рукой, но ведь главное – захотеть! Немного стараний, и клинок вновь звякнул о каменные плиты.

– Да ты издеваешься, что ли?! – взвился милез.

Вместо ответа я смерила мужчину долгим взглядом и презрительно сплюнула ему под ноги.

Попала милезу на сапог.

А потом вдруг голова взорвалась от резкой боли...

Глава вторая

Айден

«Хочешь умереть – затей спор с полукровкой». Прописная истина, ага. Только некоторых, похоже, и читать-то не научили...

А проблемы в результате имеем мы. Точнее, в данный момент – я.

– Айден, ты его не убил?.. – Голос подавальщицы вернул меня к действительности. Действительность в виде распростертого тела под ногами не шибко радовала.

– Не убил. – Присев на корточки, я коснулся пальцами шеи парня. – Живой. Но в отключке. Хорошие у твоего отца кружки, Арлета... И оружия никакого не надо.

– С тебя две монеты. – Подавальщица выудила из спутанных черных кудрей моей «жертвы» глиняный осколок. – За битье посуды... Бедный мальчик. На лбу теперь синяк будет. Слушай, тебе его лицо знакомым не кажется?

– Такого идиота я бы запомнил. – Подумав, я все-таки легонько похлопал дурачка по щекам. Бесполезно. От души приложил, теперь нескоро очухается. – Кликни Винни, пусть на воздух его вынесет, что ли. А мне еще пива принеси. И двух глотков сделать не успел.

– Айден...

– Откуда он только взялся? – Я поднял с грязного пола клеймор. – Ну естественно, все ножны не пойми в чем! Хорошо еще вообще под шумок не сперли.

– Айден!

Испуганный шепот Арлеты не сразу пробился сквозь гул голосов в трактире: если бы тут замолкали каждый раз, когда кого-то бьют, «Зеленая ундина» давно превратилась бы в обитель скорби и молчания. Я закинул меч за спину и обернулся:

– Что? Мне больше в кредит не отпускают?

– Какой кредит?! – зашипела девушка. – Вы, мужчины, только о выпивке и думаете!

– Ну почему же...

– И прекрати мне подмигивать, дурак, – сердито фыркнула Арлета. – Лучше глаза протри да взгляни, кому ты чуть голову не проломил своей кружкой!

– Не моей, а вашей. – Я послушно нагнулся над неподвижным телом. – Ну смотрю. Юнец безусый, дурной до невозможности. Без оружия.

– Без оружия, – теряя терпение, подтвердила дочь трактирщика. И нервно чиркнула по полу копытцем: – Зато с медальоном золотым! И сам гляди, какой чистенький, ручки белые... Айден, тебе уже с двух глотков зрение отказывает?! Мальчик же из господ! А ты...

А я его кружкой по черепу приголубил. Только что. И он сейчас на заплеванном полу окраинной таверны в позе дохлого кузнечика валяется. С шишкой на лбу. Ай молодец, капрал Иассир, отличился так отличился!

– Так, – живо вспомнив законы Шасвара и осознав всю глубину известного места, куда сам себя только что вогнал, я подхватил парня под мышки, – отцу – ни слова! Отвлеки Лори от задней двери, а дальше я сам справлюсь... Если кто заметит, скажи, что мальчик перебрал с непривычки. Ключ от сторожки у тебя?

– На, держи. – Умница Арлета быстро сунула ключ в мой нагрудный карман. – Уноси его, с Лори я разберусь. Только... Айден, ты же его не обидишь?

Я покосился на свесившего кудрявую голову мальчишку:

– Его уже природа обидела. Умом... Арлета, ну честное слово, зверь я, что ли? Запихну в сторожку – да только меня здесь и видели!

– А если он в лицо тебя запомнил?

– И что? – ухмыльнулся я. – Будет ходить и всем рассказывать, как об его голову в трактире какой-то милез кружку разбил? Свои же уважать перестанут... Арлета, солнышко, зай-

мись Лори. Если этот лизоблюд настучит почтенному Рокушу, твой папочка нам обоим головы открутит!..

Парнишка почти ничего не весил. И признаков жизни, как это ни печально, тоже не подавал... Рука у меня тяжелая, да. С головой только плохо! Ну что я, сам не мог разглядеть, какой «подарочек» мне судьба подкинула? Ведь и правда чистенький, тоненький, даже хамил и то на «вы»! Я заскрипел зубами. Хорошо если малец незлопамятный окажется. И не слишком знатный. Иначе сидеть мне на гауптвахте до следующей зимы. Это в самом лучшем случае.

Заветная сторожка (эх, сколько с ней связано воспоминаний!) услужливо вынырнула из-за пышных кустов боярышника. Наконец-то! И так перетрясся весь, как бы не увидели... Дожил. Уже собственной тени пугаюсь! Кто бы мне еще вчера сказал, что я, Айден Иассир, капрал Порубежной стражи, буду по углам шухериться, как мышь с сыром в зубах, я бы этому прорицателю дал в морду. И Блэйр бы еще от себя добавил – мой лучший друг за ближнего последнюю рубаху порвет... А теперь выходит, что в морду дать могут как раз мне. Причем за дело. Дернул же Трын одноглазый этого маменькиного сынка явиться в «Зеленую ундину» и нарваться именно на меня!

Хотя кого я обманываю? Мои проблемы начались не сейчас, когда кое-кому приспичило плюнуть мне на сапог. И не час назад, когда я явился в трактир почтенного Рокуша, чтобы встретиться с человеком, каких мой отец называет исключительно отбросами и язвами на теле общества... Главная моя проблема – это, увы, я сам.

«Полукровка» в Унгарии – ругательство. А в кнесате Шасвар – готовый «волчий билет». Причем с наглядной демонстрацией оно: в отличие от чистокровных унгарцев нам запрещено ставить свою фамилию перед именем. Чтобы уже при знакомстве видно было, кто с кем имеет дело! И если бы на этом все и заканчивалось... Но увы. Так уж получилось, что кнесат граничит с Фирбоуэном. А что такое пограничье, не мне вам рассказывать, да? Люди не любят фениев, фении не любят людей, и солидарны они только в одном: и те, и другие сторонятся полукровок, милезов. Ага, таких вот, как я. Почему? Да потому, что не знают, чего от нас ожидать. Мы ведь не просто чужие – мы ущербные. Мы не наследуем семейного дара нелюдей и при рождении теряем каплю человеческой сущности. Вот, к примеру, Блэйр, мой друг и один из фурыеров нашего полка: его отец – из Фирбоуэна, из клана Говорящих с Облаками, а мать – мелкопоместная дворянка с пограничья. Блэйр не может вызвать даже росу, не говоря уж о том, чтобы менять погоду. А еще он не чувствует холода – нет у него такой нормальной человеческой реакции. И если бы стужа не могла причинить ему вред! Увы, очень даже может. Он в детстве едва не замерз насмерть, насилу спасли... А парень даже не понял, в чем дело. Ему и лед-то не холодный.

Еще есть Гилмор, из мисов, – он не знает, что такое голод. Лаум Атти – с атрофированным чувством страха и без крыльев, которыми славен род его отца. И Вейлин, полуфений, как мы с Блэйром, один из моих ополченцев, – начисто лишенный сострадания... Если вы еще не заметили, все перечисленные – мужчины. Женщин-полукровок Рок задел другой стороной клинка: они рождаются людьми и ничто человеческое им не чуждо. Ни внешне, ни внутренне. За одним исключением – способности к деторождению. Кто знает, может, их наказали гораздо суровее? Хотя... Как говорит Кхира, наша полковая швея: «Зачем плодить убогих?» И сама себе отвечает: «Незачем!» А по ночам плачет в подушку. Я знаю, мне Блэйр рассказывал...

Это только те немногие, с кем я лично знаком. А сколько нас еще таких? Увечных, бесчувственных, «недоделанных», как величают полукровок унгарцы. И мы даже возразить не можем – потому что такие и есть. Суровая правда жизни. Хотя мне еще повезло, прямо скажем! Материнский дар мне не передан, конечно, но и ничего жизненно важного светлые боги у меня не отняли: чувствую вроде бы все, что положено. Если бы не внешность – человек человеком! Одно лишь гложет – а что, если мой изъян попросту пока не проявился?.. И так

тоже бывает. Но с этим страхом я уже как-то свыкся. А вот с тем, что моя жизнь и карьера сейчас висят на волоске, я смиряться не собираюсь!

Думаете, я из-за этого кудрявого недоумка так распереживался? Нет. Мальчишка – только вершина айсберга. Но именно он может стать последней каплей, которая утопит мой прохуdivшийся кораблишко...

Началось все месяца полтора назад. Я проснулся поутру с гудящей головой и обнаружил, что сижу в тюремной камере. Камера была знакома, я в шасварском каземате частый гость. Только обычно я хотя бы частично помню, за какие грехи туда залетел! Но в этот раз... Когда мне озвучили список моих «бесчинств», даже бывалый тюремщик Тибор рот разинул: осквернение храма Матери Рассвета, пьяное безобразие в заведении мадам Шани и нанесение словесных оскорблений обер-офицеру Кишшу Себастиану, моему непосредственному начальнику! Я, разумеется, не подарок, но уж вот так-то? Да, Себастиан – та еще скотина, и ему я вполне мог нахамить. И даже немножко похулиганить в веселом доме госпожи Шани мог, хотя, если честно, там и не таких бузотеров выдввали... Но осквернить святые стены храма бульварной руганью?! Таких фортелей я еще не выкидывал. И очень сомневаюсь, что смог бы выкинуть вообще...

Однако проклятая память, убитая ночью двумя бочонками крепленой бражки, наотрез отказывалась воскресать. Так что пришлось признать свою вину и понести заслуженное наказание... Думаете, на этом все кончилось? Как бы не так. Памятуя о прошлом печальном опыте, на следующей дружеской пирушке я ограничился всего двумя пинтами светлого. После чего ушел в казарму на своих ногах, будучи трезв как стеклышко. И что же? Едва рассвело, в расположение нашего полка явился урядник с тремя подручными и предъявил мне новое обвинение: якобы капрал Иассир незадолго до полуночи ворвался в спальню уважаемой вдовы Фаркашне Каллаи Агаты и, «не чинясь, предложил пострадавшей то, о чем порядочный человек не смеет даже думать». Означенная вдова подняла шум, сбежались слуги и соседи, но «охальник, напоследок обложив почтенных граждан словами, от которых краснеет даже бумага, успел скрыться»... Да я такой чудовищной лжи в жизни своей не слышал! Во-первых, офицерам Порубежной стражи нет нужды вламываться в дамские спальни – их туда обычно приглашают. Во-вторых, благородная госпожа Агата годится мне в прабабушки. Ну и в-последних – на момент указанных событий «возмутитель спокойствия» и «ниспровергатель морали» в моем лице уже мирно сопел в подушку, лежа на койке в родной казарме! Что за бред?!

Бред не бред, а вдова Фаркашне Каллаи с пеной у рта уверяла, что именно мою «мерзкую рожу» она видела в своей спальне. То же твердили многочисленные свидетели. Нетрудно догадаться, кому поверил урядник... Если бы не личное вмешательство капитана Лигети, я бы уже гремел кандалами где-нибудь на задворках империи. При том, заметьте, что уж тут-то был совершенно ни в чем не виноват!

Но и это, увы, оказался еще не финал праздника. Не далее как позавчера нашу казарму посетила парочка дельцов с Хрустальной улицы. Как вы уже догадываетесь по названию, на сей улице располагаются в основном ювелирные лавки. И мои посетители были почтенными ювелирами в пятом поколении. Что же заставило двух уважаемых небедных господ посетить мою скромную обитель? Как выяснилось, я и заставил... Но до меня ни один, ни другой так и не добрались. Молча выслушав претензии визитеров, вахтенный указал им пальцем на дверь и сопровождал свой жест парой не очень вежливых, но весьма убедительных слов. Дельцы возмутились, переглянулись и гордо удалились... А тем же вечером у ворот погранзаставы оставались лакированные дрожки, и адъютант генерала Ференци Шандора, соскочив с облучка, передал мне срочный приказ – незамедлительно явиться в особняк его превосходительства. А я что? Я пошел...

– Как это понимать? – Генерал Ференци, захлопнув за моей спиной дверь рабочего кабинета, ткнул пальцем в столешницу. Там лежали два вскрытых конверта.

– Не могу знать, ваше превосходительство! – честно отрапортовал я, прислушиваясь к затихающим в коридоре шагам адъютанта.

– И даже догадок никаких? – уже на полтона ниже рыкнул генерал. – Что ж, поясню! Это кляузы от двух известных всему городу ростовщиков. Кляузы на тебя. И мне очень интересно, что ты можешь сказать по этому поводу!

– Ничего, – все так же честно ответил я. – Понятия не имею, что я мог такого...

– Короче! Ты был вчера на Хрустальной улице?!

– Ну... как бы... если подумать...

– Айден!

– Был, – вздохнув, капитулировал я. – Ну купил безделушку подруге на именины, и что с того-то?

– Купил, значит?!

– Отец, я не понимаю... Да, я вчера был на Хрустальной улице, искал подарок Арлете. Присмотрел сережки с бирюзой. И да, купил! А если этот прощелыга думал, что я не знаю, сколько они стоят на самом деле, и возьму, не торгуясь... Я ему что, лопух деревенский?!

Генерал Ференци («папой» его назвать у меня никогда духу не хватит, я и «отца»-то не так давно себе позволил) открыл было рот, потом подумал – и закрыл. После чего, не говоря ни слова, поднял со стола злосчастные конверты и протянул мне. Я взял. Вынул письма. Прочел...

– Да они совсем обнаглели?!

– Следите за языком, капрал Иассир, – сухо проговорил его превосходительство. – Вы не у себя в казарме. Так что, выходит, ростовщики мне солгали?

– Конечно! – Моему возмущению не было предела. – Повторяю: я пришел в лавочку маэстро Пинхаса, с часок поторговался и купил серьги. А к почтенному Ашеру, который утверждает, что я спер у него сапфировый гарнитур, и к не менее почтенному Хиршу, которому я якобы этот самый гарнитур через полчаса перепродал, я вообще не заходил! Ни тогда, ни до того! Что я, стукнутый? У них же цены, как...

– Не заходил, значит?

– Нет!

– Но тебя видели вчера и там, и там. Причем не только сами ростовщики, но и другие покупатели... И среди них, между прочим, небезызвестный тебе капитан Лигети. Что ты на это скажешь?

Я не нашелся с ответом. Ростовщики – еще куда ни шло, все мы знаем, что это за жулье. Но капитан? Человек, исключительно благодаря которому я в свое время не потерял чин... Который спас меня от каторги и уговорил вдову Фаркашне Каллаи сменить гнев на милость... Он врать не мог. И ему незачем это делать. Но раз так, то...

– Отец, это не я. Ты ведь меня знаешь. Да, я не ангел. И, наверное, не лучший сын... Но я не вор!

Генерал задумчиво посмотрел на смятые листочки у меня в руках и покачал головой:

– Я уже не знаю, кому из вас верить, Айден. И что со всем этим делать, тоже не знаю. Факты свидетельствуют против тебя. К тому же твоя репутация оставляет желать лучшего.

– При чем здесь моя репутация?! Я никогда не брал чужого!

– А женщины? – Генерал приподнял бровь. – Чужие жены, стало быть, не в счет? И нечего глаза отводить, я не слепой и не глухой – и то, что добрая треть мужей Эгеса обзавелась ветвистыми рогами при твоём участии, мне известно!

– Рогами – может быть... но я же их не грабил! И ювелиров тоже! Это поклеп!

– И ты в состоянии это доказать? – мрачно поинтересовался отец. – Если уважаемые дельцы обратятся с официальной жалобой...

Его речь прервал торопливый стук в дверь.

– Я занят! – недовольно отозвался генерал.

– Прошу прощения, ваше превосходительство, – донесся с той стороны сконфуженный голос адъютанта. – Но вам письмо... Посыльный сказал – срочное...

– От кого? – Генерал, подумав, махнул рукой. – Да не топчись ты там, войди. Из штаба передали?

Дверь приоткрылась, и адъютант генерала Ференци проскользнул в кабинет:

– Не могу знать, ваше превосходительство. Только велено передать, что важное и лично в руки.

– Точно из штаба, – поморщился отец, принимая письмо. – Вечно разведут таинственность... Ступай! И больше не беспокой по пустякам.

Адъютант поклонился и исчез. Генерал покрутил в пальцах запечатанный конверт и потянулся за ножом для бумаг:

– Надеюсь, это не очередной донос на тебя, Айден. Потому что тогда...

Ну да, дальше можно не продолжать. Кажется, спета моя песенка. И самое обидное – ну ладно был бы повод! А так? Может, по части морали и семейных ценностей я отнюдь не пример, но воровать?! Да я ведь даже взятку сроду не брал, клянусь богами!

И к приснопамятной вдове в спальню не лазил.

Другое дело, что репутация моя действительно кричит совсем об обратном. Я вздохнул и поднял взгляд на отца. В том, что «срочное письмо» – очередной гвоздь в крышку моего гроба, я уже почти не сомневался.

И, увидев выражение лица генерала, только уверился в своих предположениях. Глаза его превосходительства, бегающие по строчкам, становились все больше и больше. По лицу метались тени. Зажатый в левой руке нож для бумаг упал на ковер... Ну, значит, точно все. И из этого кабинета меня выведут под конвоем. Куда – не хочу даже думать.

– Значит, это правда? – словно в забытии, пробормотал отец. Выпустив из рук исписанный убористым почерком лист, он тяжело опустился на стул.

В комнате повисла тишина. Я опустил плечи. И вдруг услышал:

– Вы свободны, капрал Иассир. Возвращайтесь в казарму.

Не понял?..

– Я удовлетворю претензии господина Хирша и господина Ашера, – бесцветным голосом продолжил его превосходительство. – Развязать кошель и попросить уважаемых дельцов держать язык за зубами – единственное, что можно сделать в этой ситуации.

– Но как же... Не понимаю! – не выдержал я. – Меня оболгали, а ты хочешь спустить все на тормозах?!

– Да! – отрезал генерал Ференци. И после паузы добавил чуть мягче: – Я верю, что ты невиновен, сын. Но мы никому ничего не докажем. Я с большим трудом выбил тебе место, хотя это не в моих правилах. И я не могу позволить, чтобы мое имя трепали на каждом углу в связи с неподобающим поведением моего воспитанника, пусть даже совесть его чиста... Хватит с нас той истории с контрабандой в Армише. Возвращайся в казарму, Айден. С Хиршем и Ашером я разберусь сам.

Возражать я не рискнул.

Дело замяли. Умасленные солидными откупными ростовщики больше не имели ко мне никаких претензий, капитан Лигети, с которым я имел долгий разговор тет-а-тет, тоже в конце концов признал, что мог и ошибиться... Но толку-то от этого? Ясно же как божий день – кто-то всерьез вознамерился испортить мне жизнь. И этот «кто-то» здорово на меня похож! Или же намеренно постарался стать похожим... Все эти обвинения – одна сплошная ложь! У ростовщиков есть свидетели? Так ведь и у меня они тоже есть! Почему отец отказался дать ход делу? Это ведь в его интересах, что бы он там ни говорил.

Но больше всего это в моих собственных интересах. Если папе по какой-то причине не хочется вникать в ситуацию – что ж, таково его решение. Но жизнь-то моя. И я никому не позволю мешать мое имя с грязью!

Собственно, для того я и пришел сегодня к Рокушу. Блэйр договорился кое с кем из Змей относительно маленькой недешевой консультации. И я бы ее получил, боги свидетели! Если бы не...

– Если бы не ты, – безрадостно пробормотал я, глядя на лежащего без движения паренька. Хорошо в сторожке топчан имелся, не пришлось изнеженного дворянчика снова на пол укладывать. Хотя что-то мне в плюс.

Я нагнулся и еще раз похлопал мальчишку по щекам. Безрезультатно. Разве что... А ведь Арлета права, пожалуй, – мордашка определенно знакомая! Мы с ним где-то встречались?

– Эй! Ты в себя-то приходи уже, ну! Нарожали чахликов – с одного удара копыта норовят откинуть... Как тебя вообще родители из дома без охраны выпустили?

Вопрос остался без ответа, что неудивительно. Удивительно то, что я до сих пор здесь! Дурачок сам наварлся, за это и получил, и мое счастье, что он до сих пор глаз открыть не может. Сейчас бы дунуть отсюда на средней курьерской, однако же... Ну почему я не такой, как Вейлин? Он и убьет – не почешется, а я, дурак...

– Ты очухаешься или нет? – Я взял безвольное тело за плечи и хорошенько встряхнул. Куда там! Как валялся бледной лягушкой, так и валяется... Стоп. Может, ему попросту дышать нечем? Камзольчик-то явно маловат, аж ткань на плечах трещит. Ослабим немножко, на пару-тройку пуговиц...

– Трын одноглазый!

– Что... Кто... А-а-ай-й-й!..

Шлеп!

Ну вот. Можете меня поздравить – мне все-таки дали по морде.

На долгую минуту в маленькой сторожке повисла тишина. Такая густая, что хоть ножом режь. И мне очень повезет, если...

– Что вы себе позволяете?!

Не повезло. Я задумчиво потер горящую щеку и пожал плечами:

– Ничего как будто. Приношу свои извинения, госпожа, но вы очень талантливо косили под мальчика. Только на будущее – выбирайте все-таки одежду по размеру. Не все солдаты такие щепетильные.

– Да вы... вы...

Девушка сжала кулачки. Зеленые глазищи сверкают от возмущения, кудри в разные стороны. Подстричься могла бы и получше, а так в целом хорошенькая. И точно из благородных, Арлета не ошиблась. Вопрос – что этот тепличный цветочек у Рокуша позабыл, да еще и в таком-то виде?

– Где я? – Она настороженно огляделась. Потом, спохватившись, наглухо застегнула ворот камзола и повторила: – Куда вы меня притащили? И зачем?

– Да уж точно не за тем, что вы тут себе вообразили. – Я хмыкнул. – Не волнуйтесь, госпожа, вы не в моем вкусе. А что до сторожки – могли бы и спасибо сказать. В «Зеленой ундине» дамы без сознания долго на полу не валяются. По крайней мере, в одиночестве.

Девушка залилась краской до самых ушей. Ушки, кстати, тоже миленькие. Тьфу, да о чем я вообще думаю?!

– Опустим детали. – Я прислонился плечом к двери и с любопытством уставился на незнакомку: – Кто вы? И зачем вам понадобилось заведение почтенного Рокуша? Это не лучшее место для порядочной женщины. Или я малость ошибся насчет порядочности?

– Наглец! – Девушка аж подпрыгнула на топчане.

– Значит, не ошибся. И тем более не понимаю, чему я обязан нашей случайной встрече. Потянуло на приключения? Или по голове давно не били?

– Вас никто не просил лупить меня кружкой! – Губы девушки задрожали. – И сюда тоже тащить никто не просил! Зачем вам ваш меч, если... если вы даже... а еще милез, называется!

Ого. То есть я ее буквально сам от себя спас, а она же теперь еще и в претензии? Женщины! Их можно любить, можно ненавидеть, но понять еще никому не удавалось. Я открыл было рот, чтобы озвучить свое мнение, но внезапно пришедшая в голову шальная мысль одним махом перебила все остальные. Кружка ей, значит, была не нужна, а мой клеймор...

– Вы совсем с ума сошли? – разом охрипнув, спросил я. – Или у вас его и вовсе нет? Жить надоело – так пойдите и утопитесь! Или отравитесь, как там у вас принято. Меня-то на убийство зачем толкать? По той простой причине, что я – милез?!

Она опустила глаза и вжалась спиной в стену. Понятно. Комментарии излишни.

– Сожалею, госпожа. Я не привык рубить направо и налево без разбору. И я не поднимаю руку на женщин. – Я бросил на топчан ключ: – Будете уходить – запирайте сторожку. Удачи.

– Подождите, куда вы?!

– Подальше отсюда. – Я взялся за ручку двери. – Вам жизнь не мила, а мне – очень даже. С той стороны кто-то с силой толкнул дверь. Ну вот! Дотрепался!

– Айден! – донесся снаружи знакомый голос. – Айден, ты здесь? Арлета сказала...

– Ф-фух... – Я утер пот со лба. – Блэйр... Так ведь и паралич схлопотать недолго.

– Открывай! – По двери шарахнули кулаком. – Открывай скорее, я и так насилу успел. Да ты заснул там, что ли?!

Что он успел? Зачем? И почему так орет? Пожав плечами, я потянулся к засову и чертыхнулся – девчонка! Мои проблемы – это мои проблемы, но еще и друга в них впутывать...

– Так! – Я обернулся к топчану. – Вон там в углу занавеска – марш туда, и чтобы тихо мне! Предупреждаю – убить все равно не убью, а еще раз чем-нибудь по макушке точно обрадую! Понятно?

– Д-да. – Незнакомка испуганно втянула голову в плечи и, резво соскочив с топчана, метнулась за занавеску.

Ты смотри, самоубийца не самоубийца, а черепушку-то жалко...

Я поднял засов:

– Заходи. С чего такой взбудораженный? Тебе Арлета уже разболтала?

– О чем? – Блэйр скользнул через порог и захлопнул за собой дверь. Вид у него был странный.

Я удивленно хмыкнул:

– Не успела, значит? Ну да ладно. Откуда такой красивый? Нашивка вон на одной нитке болтается.

– Да боги с ней, с нашивкой! – Глаза фурыера лихорадочно сверкнули в полумраке сторожки. – Плохи дела, Айден!

– Час от часу не легче. Что мы опять натворили?

– Не мы, а ты! То есть, кажется, не ты, а... Короче, вот я тут принес... – Друг расстегнул форменную куртку и вывалил на приоконный столик кучу барахла. – Бери и беги! Лошадь я у Стефиана увел, на Ветерке тебя никто не догонит. Ребята с Третьей заставы предупреждены... Да что ты встал столбом?! Еще чуть-чуть – и нас тут обоих Цербер накроет!

Цербер – кличка начальника гарнизона, Цингера Матьяша. Он у нас мужик суровый. Одного только не понимаю – я-то ему на кой сдался? И Блэйр сам не свой, хотя, чтобы его напугать, очень постараться надо. Что он тут мне притащил? Сухпак, фляжка, чистые портянки, туго набитый кошелек, кисет с табаком... Да я же не курю!

– Так, погоди! – Я поймал фурыера за руку. – Объясни ты толком – что стряслось? К чему такой аврал? И с какой стати Цербер по мне так соскучился?

Блэйр нервно глянул в окошко, судя по всему, ничего страшного не увидел и повернулся ко мне:

– Ты ведь с его женой шуры-муры крутишь?

– Ну, э-э...

– Крутишь, не свисти! Весь полк про это знает. А сегодня еще и Церберу глаза открыли...

Дальше продолжать?

– Трындец, – емко резюмировал я.

Товарищ кивнул:

– Он самый. Причем с двумя глазами сразу. Давай собирайся, конь за дровяным сараем ждет. Рокуш обещал задержать рогатика, но сам понимаешь...

– Погоди, Блэйр. А кто меня Церберу сдал?

Друг крикнул. Запнулся на мгновение, махнул рукой и сказал:

– Ты!

– Что?!

– Айден, да у меня у самого в голове не укладывается! И главное, своими же глазами видел... Иду, понимаешь, мимо начальственных хором – а тут капрал Иассир, собственной персоной! Из окна шасть – да в кусты одним прыжком. Даже меня не заметил. А я-то знаю, что ты совсем недавно к Рокушу ушел и что со Змеями договоренность имел пообщаться, а вы на три часа пополудни условились! Гляжу на часы – десять минут четвертого. Не могли же так быстро-то...

– Ближе к делу!

– А что – ближе? – развел руками Блэйр. – Я удивиться толком не успел, как из того же окна начальник гарнизона вылез – рожа красная, усы дыбом, орет на всю улицу! Проорался, кликнул свою охрану, прыг в седло и усвистел. Я, понятно, к его ординарцу. И что узнаю – застучал Цербер собственную жену в постели с капралом Иассиром, взбесился, само собой, да в погоню за оскорбителем бросился! Ясное дело, на нашу заставу в первую голову помчится. А там полроты в курсе, куда ты отправился... Вот я, не дожидаясь развязки, у Стефиана жеребца подрезал – и сюда.

Фурьер перевел дух, снова взглянул в окошко и проговорил, поколебавшись:

– Айден... Я на глаза-то не жалуюсь, но...

– Да не я это был! – У меня скулы свело от злости. – Не я! Меня у Рокуша уйма народу видела! Пришел в половине третьего – и сидел, встречи ждал. Трын одноглазый! Это какой же сволочи я так насолить умудрился?

Блэйр развел руками.

– Ладно, – я сгреб со столика сухпай, фляжку и кошелек, – не до дедукций. Спасибо, дружище. Ты беги к Рокушу, помоги ему, если Цербер совсем уж зверствовать начнет. Какую заставу предупредили? Третью?

– Ну да. – Приятель шагнул на крыльцо. – Если линять, так только через нее. В Мертвый Эгес даже наш безбашенный ревнивец не полезет. Посиди там пару дней, пока страсти не улягутся, а со Змеями я сам поговорю. Они всю шухеру в кнесате на уши поставят!

– Хорошо бы! – Я улыбнулся, хлопнув товарища по плечу.

И только глядя ему вслед, осознал, как же круто влип.

Тут уже не помогут ни Лигети, ни отец. Причем последний, учитывая мою сомнительную славу по части дам и недавний инцидент с вдовой Фаркашне Каллаи, еще и самолично «воспитанника» в казематы определит!

– У всех на глазах выскочить из спальни жены начальника гарнизона, – тоскливо пробормотал я. – Тут хоть в лепешку разбейся, никому ничего не докажешь. Да, меня видели в «Зеленой ундине» с полсотни рыл. Но кто их слушать-то будет? Тоже мне свидетели. Половина из них – такие же, как я, вторая половина – еще хуже... Светлые боги, чем я вас так прогневил?!

Дрожащие пальчики тронули меня за локоть:

– Простите, что мешаю, капрал...

Тьфу ты! Эта ненормальная из таверны, совсем про нее забыл. Я обернулся:

– Прощаю. И прощаюсь. Если вы убиваться не передумали, дождитесь отряда Цингера Матьяша – они в красных мундирах, не ошибетесь. Который самый толстый, с усами, – командир. Залезьте на стол, громко назовите его рогоносцем – и привет от меня Вечному Змею!

– Да нет же! – Девушка тряхнула головой и еще сильнее вцепилась в мой локоть: – Я... Я передумала!

– Вы меня этим просто осчастливили. – Я отцепил ее пальцы от рукава и шагнул через порог.

Так. Блэйр сказал, что Ветерок за дровяным сараем? Тут рукой подать. Глядишь, успею смыться. Перед Рокушем неудобно, сил нет! Он и так меня через раз от начальства прикрывает.

– Капрал, подождите!

Светлые боги, вот же беда на мою голову.

– Госпожа, – я тяжело вздохнул, – вы таки твердо намерены подвести меня под монастырь?

– Нет. – Она быстро помотала головой. – Наоборот! Я хочу... то есть могу... вам помочь!

– Грудью от Цербера прикроете, что ли? – не удержавшись, ухмыльнулся я. – Так воля ваша, а было б чем.

Зеленые глаза гневно сверкнули, но во второй раз по физиономии я все же не огреб. Вместо этого странная девица решительно вздернула подбородок и посмотрела мне в лицо:

– Я сделаю вид, что не слышала ваших последних слов, капрал Иассир... Вас ведь так зовут, да? Я запомню. Убивать вы меня не стали и не станете, а живой я вам могу существенно добавить неприятностей. И я же в силах вас от них избавить. Вы совершенно правы – никто не будет слушать завсегдатаев окраинной таверны. Но слово урожденной кнесны де Шасвар – совсем другое дело!

– Чье слово? – опешил я.

Девушка с достоинством склонила голову:

– Мое, господин офицер.

– Ваше? – ядовито хмыкнул я. – Ну-ну. Решили подсластить мою бесславную кончину минутой здорового смеха? Кнесна! А что ж не сразу наследница унгарского престола? Вот это был бы размах, это я понимаю.

– Прекратите паясничать! Я сказала правду! – Сжав кулачки, девица свела брови на переносице.

И я снова поймал себя на мысли, что где-то уже все это видел. Только вот где?

Перед моими глазами вдруг возникла гостиная в доме капитана Лигети. Чайный столик, диван напротив, а сверху на стене три портрета: император Унгарии Лёринц Третий, его высокоблагородие маршал Буриан и Калнас Конрад, великий кнес де Шасвар. Сурово нахмуренные черные брови, падающий на лоб кудрявый завиток непослушных волос...

– Светлые боги!

– Кажется, они забыли про нас обоих, – с невеселой улыбкой обронила девушка. И склонила голову набок: – Так что, капрал? Поможем друг другу?

Нет, я сейчас с ума сойду. Дочки правителя кнесата мне здесь только не хватало! Да чем я могу ей помочь? Мне бы кто помог, честное слово!

– Возьмите меня с собой, – попросила девушка, глядя на меня снизу вверх.

– С собой? – тупо повторил я. – В Мертвый Эгес? На межграницье? Я, если что, не на пикник собираюсь, госпожа де Шасвар! Кроме того, меня ищут.

– Это не важно. – Ее голос предательски дрогнул. – Я не навязываюсь в попутчики, просто... раз вы все равно собираетесь перейти границу... Я... я не могу здесь оставаться! Прошу вас, капрал!

Боги, она что, плачет? Нет, ну это уже перебор.

– Возьмите меня с собой! Пожалуйста! Я была не права тогда в таверне, но... если у вас есть сердце...

Ну вот и что на это можно ответить? Что сердца у меня нет? Увы, оно есть и всегда было.

В отличие от мозгов.

Глава третья

Матильда

Мама говорила, что я должна уметь ездить и в мужском седле, и в дамском, и даже по-лаумейски, без седла. Как сейчас помню ее красивое лицо, черные волосы, заплетенные по последней столичной моде в две толстые, с руку, косы, изящные запястья, серебристое платье с воротником-стойкой, прямой взгляд темных глаз с невероятно большими зрачками, занимающими практически всю радужку... Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как я видела кнесицу де Шасвар в последний раз, а воспоминания настолько свежи, словно это было лишь вчера. Впрочем, я отвлеклась.

Мама говорила, что я должна уметь ездить по-разному. Отец утверждал, что приличным девицам не подобает громоздиться в мужском седле, раскорячившись, подобно беременному таракану. Только в дамском!

В итоге, оказавшись на улице, я замерла перед Ветерком, не зная, что же делать дальше.

– Так и будете стоять? – громыхнул за спиной уже знакомый голос.

Я оглянулась и судорожно попыталась подобрать слова:

– Понимаете, капрал, я не умею. Он не под тем седлом и...

Милез сердито сверкнул глазами, обогнул меня и одним прыжком оказался на коне. Кажется, даже стремян не коснулся. Я и пискнуть не успела, как он, чуть склонившись, подхватил меня и усадил впереди себя. Мать Рассвета, как же тут неудобно!

– Держитесь, госпожа де Шасвар, – горячо шепнули на ухо. А в следующий миг мой спутник пришпорил коня.

Копыта выстукивали звонкую дробь по булыжной мостовой, ветер, бьющий в лицо, выбивал слезы, а я... Обеими руками вцепившись в гриву, я пыталась собраться с мыслями.

Только этим, а также тем, что мне слишком сильно дали по голове – недаром она так болела, – можно объяснить тот факт, что я не сразу поняла, в какую сторону мы движемся. Осознание масштаба неприятностей, в которые я влипла, пришло, когда мы уже выехали на улицу Зеленой ночи.

– Капрал, вы действительно решили ехать в Мертвый Эгес?

– Вы очень догадливы, госпожа.

– Но это же самоубийство!

Он только хмыкнул:

– Вы предпочитаете чуть менее надежные способы?

Я даже не нашла, что ответить на такую наглость.

Ворота на Третьей заставе, несмотря на обещания этого... Блэйра, оказались закрыты. Кто бы сомневался. Желаящих совершить суицид здесь всего двое – я и, как выяснилось, капрал Иассир. А на воротах, ведущих к Мертвому Эгесу, самоубийц никогда не держали. Это, знаете ли, чревато.

Мой спутник тихо ругнулся сквозь зубы и рывкнул в полную мощь:

– Заснули там, что ли? Открыть ворота!

– Иду-иду! – лениво откликнулся хрипатый голос из сторожки.

Через несколько минут по ступенькам спустились двое: субтильный мальчишка в гражданском платье и обрюзгший мужчина лет сорока в мундире с погонами фендрика.

Неужто это вся стража? Да еще и на тех воротах, что выходят в сторону пограничья... Пусть за стенами Мертвый Эгес и по доброй воле через него никто не пойдет, но нельзя же так!

Откуда-то с высоты раздался громкий кашель. Я вскинула голову и разглядела, что на стене стоят еще шестеро солдат, с любопытством наблюдающих за нами. Это уже радуется, ворота не брошены на произвол судьбы.

Матильда, о чем ты вообще думаешь? Тебе надо быстрее уйти из города, раз уж пасть смертью храбрых не получилось, а ты размышляешь об обороноспособности Эгеса!

– Капрал Иассир! – ухмыльнулся взрослый обер-офицер. – А мы вас уже ждали, думали, вы на другую заставу пошли.

– Открывай ворота, – отрывисто скомандовал милез, разом забыв о субординации.

– Никак нет, господин капрал! – вытянулся во фрунт мальчишка. – Не положено! – И прежде, чем капрал успел хоть слово сказать, продолжил: – По приказу командования. В Мертвом Эгесе третью ночь болотные огоньки блуждают, ворота запрещено открывать. Только через калитку.

– Она тут рядышком, – чуть насмешливо уточнил фендрик. – Спешиться только надо. Да вы и сами знаете.

Калитка была всего на вершок выше головы коня, всадник проехать через нее не мог, так что действительно пришлось спуститься на землю. И если у капрала не возникло с этим никаких проблем, то я не смогла обойтись без его помощи.

Мальчишка в гражданском услужливо загромыхал замком. Капрал потянул коня за повод. Выйдя за пределы города, вскочил в седло и вновь склонился, чтобы усадить меня перед собой.

– Удачи на новом поприще, капрал! – крикнул нам вслед фендрик.

Со стены раздалась смешки.

Ладони милеза замерли на моей талии:

– В смысле?

– Мальчик смазливый! – хихикнул толстяк, поспешно закрывая калитку. – А вы его так деликатно за пояс держите.

Честно говоря, я ничего не поняла. В отличие от господина Иассира, смуглое лицо которого мгновенно покрылось багровыми пятнами гнева.

– Мерзавец! – прошипел он и, оставив меня на земле, развернул коня.

Но с той стороны уже громыхали засовы.

Впрочем, «Хочешь умереть...» – ну и дальше по тексту. Уже через несколько секунд капрал, одной рукой придерживая клеймор, кулаком другой вовсю барабанил в ворота:

– Открывай, скотина! – Кажется, он мгновенно забыл о всяческом уважении к старшим по званию. Даже на «ты» перешел, как будто к крестьянину какому-то обращался. – Я ж тебя под землей найду! – А еще он подзабыл о том, что нам надо ехать. И как можно быстрее!

К тому же этот фендрик не сказал ничего такого. По крайней мере, я ничего обидного в его словах не услышала. В самом деле, то, что капрал держит меня за талию, когда подсаживает, и то, что я еду рядом с мужчиной – малознакомым, надо отметить, – не совсем пристойно, но с другой стороны, я же сейчас в мужском платье. Разве кто-то что-то заподозрит? О том, что было, пока я находилась без сознания, и думать не хочу.

Милез меж тем разошелся вовсю:

– Хидеж, мерзавец! Открой ворота! Я тебя...

– Капрал, – осторожно кашлянула я, – вам не кажется, что нам надо ехать?

Из Иассира как будто стержень какой-то выдернули. Он замер, бросил несчастный взгляд на все еще закрытые ворота, обреченно процедил:

– Негодяй, – и вздохнул: – Поехали.

Из-за стены послышался взрыв издевательского хохота, а вслед за тем все стихло. И мы остались наедине с Мертвым Эгесом...

Унгария постоянно воевала с Фирбоуэном. В основном, конечно, с фениями: жившие на территории союзного государства мисы больше интересовались торговлей, лаумы – наукой, а агуане – собой... Пограничные стычки переходили в затяжные битвы, те в свою очередь

затихали, на короткий период устанавливался мир, а потом все вспыхивало вновь. Провокации были и с той, и с той стороны, но суть не в этом. Пару веков назад было решено поставить границу. Разумеется, обычная межа между государствами существовала всегда, но тогда, дабы пресечь войны с нелюдьми, наши маги на границе с Фирбоуэном поставили невидимую и практически непроницаемую стену. Лишь в некоторых местах оставили врата, через которые можно проходить с территории одной страны на территорию другой. Говорят, правда, есть еще контрабандные тропки, но речь сейчас не об этом.

Последняя война между Унгарией, в состав которой входит кнесат Шасвар, и Фирбоуэном разразилась незадолго до моего рождения. Я не совсем хорошо помню эту часть нашей истории, а потому сказать, из-за чего же начались битвы, не могу. Кажется, причина была в том, что наш унгарийский принц, решившийся посвататься к фенийке из знатного рода, потом передумал и, опозорив ее, вернул родителям. Но так это или нет – честно, не помню. Как бы то ни было, граница, поставленная древними чародеями, оставалась столь же непроницаемой, как множество лет назад. Войска нелюдей не могли пройти через узкие заставы, и вот с той стороны началась колдовская атака.

Вызванный магами Фирбоуэна огненный шквал пронесся вперед, выжигая все на своем пути, но, ударив в колдовскую границу, не смог ее разрушить – лишь сдвинул на тысячу лиг в глубь Унгарии.

Эгес уже тогда был довольно большим городом и располагался у самой межи. Новая, сдвинувшаяся граница после окончания войны разрезала его напополам, разделив на Эгес, который после моего рождения и стал моим приданым, и Мертвый Эгес, оставшийся на ничьей земле. Чтобы жители Шасвара не видели разрушенных оплавившихся домов, указом кнеса вдоль магической границы была возведена крепостная стена, но честные жители все равно редко селились подле уничтоженной войной части города. В отличие от всякого отребья, уничтожить которое не могла даже городская стража.

К тому же, хотя все это случилось более двадцати лет назад, тут даже трава не росла. Пустая узкая полоса земли не была нужна даже Фирбоуэну, став ничьей землей, разделяющей королевства людей и нелюдей. В Мертвом Эгесе по ночам бродили болотные огоньки, а служащие на Третьей заставе солдаты рассказывали, что над покрытыми черной копотью домами разносится чей-то отчаянный вой...

Именно в этот Мертвый Эгес, разрушенный, опаленный дыханием огненного шквала, мы и вошли.

Невысокие двухэтажные дома щерились осколками полопавшихся слюдяных окон. Чернели выжженные провалы дверей, а где-то вдалеке клубился дым. Неужели здесь до сих пор может что-то гореть?

Подсадив меня в седло, милез решительно пришпорил коня. Похоже, капралу Порубежной стражи тоже не терпелось побыстрее покинуть это мрачное место.

В Эгесе дороги были вымощены булыжником. Каменная же мостовая мертвого города спеклась в одну гладкую плиту: черную, чуть поблескивающую в лучах заходящего солнца. На губах ощущался соленый привкус пепла. Казалось бы, столько лет прошло, а все-таки... О том, что произошло с теми людьми, что были здесь, когда сдвинулась граница, я старалась не думать.

Раньше я никогда не бывала в Мертвом Эгесе: место темное, страшное, сколько Зеленому Отцу с Матерью Рассвета ни молись, все равно в какую-нибудь неприятность попадешь. Разве что сказать что-нибудь у алтаря Вечного Змея...

Ох, как же у меня болит голова... Наверняка шишка вскочила.

Уже через несколько минут Ветерок перешел с галопа на рысь. Похоже, капрал, уверившись, что никто его преследовать не будет, решил не загонять коня.

Дорога сильно петляла. Мы уже ехали с полчаса, не меньше, а ворот все не было видно. Я уже и скучать-то начала, когда мой спутник внезапно резко натянул поводья. Я прекратила разглядывать конскую гриву и подняла голову, пытаюсь рассмотреть, что же заставило нас остановиться.

Все как и везде в Мертвом Эгесе: обрушившиеся стены, оплавившиеся камни... и невысокая детская фигурка, замершая неподалеку от стены. Но здесь ведь не может быть никого живого! Или может?

– Только богли мне не хватало! – обреченно вымолвил за моей спиной капрал.

– Кого? – оглянулась я на него. – Откуда здесь ребенок? Он что, пришел с межграницья?

– Это богли, призрак, – тоскливо вздохнул Иассир. – Будем надеяться, он нас не заметит, иначе...

Натянув поводья, милез осторожно направил коня к ближайшему зданию. Точнее, к тому, что от него оставалось.

– Иначе что?

– Молчите! – отчаянно зашипели мне в ответ. – Если он нас увидит...

Судя по всему, полукровка рассчитывал обойти странное существо по большой дуге. И ему это почти удалось: богли, кто бы это ни был, увлеченно смотрел куда-то в сторону и пока не обращал на нас никакого внимания. Вблизи это оказалось невысокое существо, полупрозрачное, хрупкое. Длинные костлявые руки доставали до самой земли, а лохмотья, служившие одеянием, развевались на ветру.

Не знаю, что мой спутник умудрился сделать с конем, но Ветерок ступал практически бесшумно. Мы уже почти обогнули крошечного богли, когда он внезапно задергался, зачирикал, подобно странной птице, а потом и вовсе, крутанувшись на пятках, повернулся к нам. Я охнула, зажав рот рукой: вместо глаз на лице призрака чернели два провала.

– Вижу... Вижу... – прошипел уродец, показав пару рядов острых мелких зубок. – Вижу странников... Мужчину, мнящего себя самым ловким, и женщину, мнящую себя самой умной... – Хихикнув, он поковылял куда-то вверх по улице.

Позади меня раздался тихий сдавленный стон:

– Ну почему именно сейчас?! Я же месяц назад здесь был – не мог тогда появиться?

Полукровка, развернув коня, направился вслед за мелким чудовищем.

– Капрал, что вы делаете? – изумилась я. – Мы ведь ехали в другую сторону.

– То, что надо! – мрачно огрызнулся он. – Вы что, про богли никогда не слышали?

– Нет.

Судя по тону, Иассир скривился.

– Если мы сейчас не пойдем за ним, то из Мертвого Эгеса вероятнее всего не выйдем.

– Почему?

– Или камень на голову упадет, или Ветерок ногу сломает, или еще что. Вариантов много.

– Что за чушь?

– Это не чушь, это богли. И если он нас увидел, а мы за ним не пошли, то пределы города мы не покинем.

Я не выдержала:

– И долго нам за ним идти?

– Пока он не приведет нас туда, куда хотел.

– И что потом?

– А ничего, – печально фыркнул унтер-офицер. – Полюбуйтесь на открывающийся пейзаж и вновь отправимся по своим делам. И будем надеяться, что на этот раз не встретим нового богли.

Уродец беспокойно ковылял на расстоянии нескольких футов от нас и периодически оглядывался, словно проверяя, следуем ли мы за ним. Щерил острые клыки в каком-то подо-

бии улыбки и вновь продолжал свой путь. Расстояние между призраком и Ветерком не изменилось: судя по всему, милез не стремился побыстрее догнать это маленькое чудовище.

– А это не опасно? – все не могла успокоиться я. Воображение успело нарисовать нас окруженными толпой хищных богли, приготовившихся напасть.

– Богли не причиняют вреда. Гораздо хуже то, что мы теряем время.

Похоже, уродец решил просто прогуляться по пустынному городу. Богли петлял по разрушенным улицам, заворачивал в проулки, нырял под обвалившиеся арки. Минут пятнадцать, не меньше, он водил нас по Мертвому Эгесу. А потом вдруг остановился и, на миг оглянувшись, бодро перепрыгнул через обуглившиеся остатки двери и скрылся в каком-то доме.

– И что дальше? – мрачно поинтересовалась я.

– Пойдем за ним, – зло буркнул капрал, спускаясь на землю и набрасывая повод Ветерка на остов коновязи. Разумеется, и свой меч взять не забыл.

– Но он же ушел!

– Но он не растворился в воздухе. Значит, еще не привел куда собирался. Хотите, можете побыть здесь.

Я на миг представила, что капрал сейчас уйдет, а я одна останусь на улице Мертвого Эгеса. Скоро начнет смеркаться, в темноте полетят болотные огоньки, на шпиле обрушившегося храма замелькает странная тень – говорят, тот, кто с ней встретится, никогда не вернется в родной дом...

Я решительно протянула руки спутнику:

– Помогите мне спуститься, капрал. Я пойду с вами.

Лишь шагнув вслед за милезом в темноту обуглившегося дома, я поняла, какую же глупость сотворила.

Я взрослая, серьезная двадцатилетняя женщина. Уже пять лет как совершеннолетняя. Уже два с половиной года как замужняя. Нахожусь наедине с малознакомым мужчиной, к тому же наполовину нелюдем.

Если я выживу после всего этого, я не смогу войти ни в один приличный дом Шасвара! Мое имя будут склонять во всех салонах! Я – и наедине с мужчиной!

С другой стороны, я ведь все равно собиралась умереть, не так ли?

В коридоре царил полумрак. В первые годы после окончания войны в Мертвый Эгес заглядывали мародеры, надеясь пожить хоть чем-то, но огненный шквал, пронесшийся по улицам пограничного города, уничтожил все, кроме камней, из которых были сложены стены домов. Сила колдовства была такова, что даже то, что находилось внутри зданий, осыпалось горстками пепла. Остались лишь черные, покрытые копотью, оплавленные стены.

Впереди слышалось шлепанье шагов и тихое хихиканье богли:

– Мужчина и женщина... Самая умная и самый ловкий...

Под каблуком что-то хрустнуло, я посмотрела вниз. И, разглядев, что наступила на выбеленную временем человеческую челюсть, завизжала и шарахнулась в сторону, зажмурилась. Вцепилась во что-то...

– Госпожа де Шасвар, – деликатно кашлянули мне на ухо, – мне, безусловно, очень приятно, но я ведь, кажется, уже говорил, что вы немного не в моем вкусе?

В конце коридора послышался злорадный смех богли.

Я медленно приоткрыла глаза... И обнаружила, что обеими руками обнимаю прижатого к стене капрала Иассира.

Ну почему мне сегодня так не везет? Я же серьезная замужняя женщина! Да, Шемьен – мерзавец, но я-то честная женщина!

– Капрал Иассир, это... – я осторожно расцепила руки, – это совершенно не то, что вы подумали... Тут череп.

– Какой череп, госпожа?

– Вон там! – Я указала пальцем... и поняла, что на полу ничего нет. Но я же видела! Я же действительно видела эту проклятую челюсть!

– Конечно, госпожа де Шасвар, я все понимаю. – Мне показалось или в голосе милеза действительно прозвучала ирония?

Но когда я вскинула голову, разглядывая лицо капрала, тот был серьезен как никогда.

Будем считать, что мне показалось. Но боги, какой позор! Какой позор!

Проклятый богли даже не пытался уйти. Как остановился в торце коридора, так и стоял, поджидая нас. Полукровка вздохнул, осторожно отодвинулся от стены и направился к призраку. Мне ничего не оставалось, кроме как следовать за ним.

Длиннорукое чудовище меж тем призывно посмотрело на нас и нырнуло в какую-то комнату. Капрал решительно шагнул внутрь, я – следом... И замерла, удивленно озираясь по сторонам.

Огненный шквал, пронесшийся по улицам Мертвого Эгеса, почему-то не затронул это помещение. Казалось, хозяин покинул комнату только вчера. Обитые дорогими тканями стены. Пара удобных кресел. Книжный шкаф. Небольшой столик с какой-то лежащей на нем безделушкой. Совершенно не выцветший ковер на полу. И радостно скалящийся богли.

Увидев, что на него наконец обратили внимание, уродец облизнулся длинным раздвоенным языком и растаял в воздухе.

– Забавно, – задумчиво протянул полукровка. – Никогда не подозревал, что в Мертвом Эгесе есть такие места.

– Получается, он специально нас сюда привел?

– Кто знает? – пожал плечами Иассир. – Одним богам известно, что на уме у богли. Может, позабавиться решил, а может, и специально.

Кaprал направился в обход комнаты. Несколько прядей седых волос выбилось из небрежно собранного хвоста на затылке, но полукровка этого даже не заметил.

Все-таки у милезов, произошедших от фениев, весьма странная внешность. Они взяли всего понемногу от каждого из родителей и в то же время не похожи ни на кого из них. У фениев белоснежные волосы, светлая, почти бледная кожа, голубые глаза. Унгарийцы обычно – смуглые брюнеты. Вот и получается, что милезы смуглые, как унгарийцы, но при этом цвет их волос не белый, как у одного из родителей, а седой, как у стариков.

Это у мужчин так. Женщину-милезку, пожалуй, от унгарийки-то по внешнему виду не отличишь.

Книжный шкаф оказался заперт. За дорогими стеклянными дверцами виднелись корешки книг, но сколько капрал ни дергал бронзовые ручки, сделанные в виде львиных голов, все оказалось безуспешно.

Я подошла к столику. Лежавшая на нем безделушка оказалась золотым медальоном на тонкой цепочке. Осторожно взяв предмет в руки, я его перевернула.

– Надо же...

– В чем дело? – тут же оказался рядом со мной капрал.

– Здесь такой же рисунок, как у меня: Мать Рассвета, Зеленый Отец и Вечный Змей у их ног. – Я провела кончиками пальцев по светлым ликам.

– И что с того? Это ведь обычное изображение богов.

– Образки обычно делают немного другой формы, а тут... – Покосившись на милеза, я осторожно вытащила из-под рубашки свой кулон.

Теперь на ладони лежали два абсолютно одинаковых амулета. На них даже царапины были в одних и тех же местах! Лишь на обратной стороне оказались разные картинки: у меня – Мать Рассвета, а на найденном – Вечный Змей.

– Видите?

– Можете дать посмотреть поближе?

Я протянула ему тот образок, что взяла со стола.

– А второй?

– Я не смогу его снять. – Распространяться дальше не стала. Не рассказывать же в самом деле, как однажды в детстве, изучая содержимое маминой шкатулки, я увидела интересный кулон на цепочке, примерила его... а потом поняла, что он попросту не снимается.

Кажется, капрал не удовлетворился таким ответом, а то и вовсе решил, что я все придумываю, но вопросов задавать не стал. Взял новую подвеску в руку...

В тот же миг у меня закружилась голова. Я плотно сомкнула веки, а когда осторожно приподняла их, обнаружила, что мы с офицером стоим на улице, неподалеку от того места, где впервые увидели богли, а рядом переступает с ноги на ногу Ветерок.

– Что за наваждение? – только и смогла выдохнуть я.

Капрал оказался умнее. Раздраженно буркнув:

– Потом разберемся, – он бросил в кошель на поясе найденный кулон и направился к коню. На миг оглянулся: – Вы со мной, госпожа? Или решили остаться здесь?

А у меня есть выбор?

Копыта Ветерка выстукивали дробь по обугленным камням мостовой, а моя голова была занята тяжелыми размышлениями.

Что же я творю? Зеленый Отец, что я творю?! Сначала пытаюсь умереть, потом сбегаю с каким-то подозрительным типом, теперь вот еду на межграницье... Если там кто-то узнает мое имя или если мой спутник решит воспользоваться им в своих целях – я не говорю о том, что я ему пообещала, – да я же погибла!

Глава четвертая

Айден

– Капрал Иассир!

Так, главное – не перепутать. Сегодня четырнадцатое, стало быть, день четный. И вход будет не слева, а справа. Сразу за старым храмом. Нет, ну они хоть бы завал разобрали!

– Капрал Иассир, вы меня вообще слышите?

Четверть Эгеса к ним ходит, а дорогу до сих пор не расчистили. Придется спешиваться. Куда бы коня пристроить, чтобы его в темени не сожрали? Потому что Стефиан тогда нас с Блэйром сам сожрет без ножа и вилки.

– Капрал Иассир!

– Светлые боги, – вздохнул я. – Госпожа, я же просил вести себя потише. Мало нам богли, так вы сейчас сюда и кархулов со всего пограничья соберете.

– Кар... кого? – Девушка захлопала ресницами и, словно очнувшись, знакомо нахмурилась: – Не заговаривайте мне зубы! Я говорила не о том. Уже солнце село, капрал! А мы до сих пор из Мертвого Эгеса не выехали.

– И не выедем, – отрезал я, натягивая поводья. – Тпру, стой!

– Что вы делаете?

– Спешиваюсь.

– Зачем?

– За камнем, – хмыкнул я, подавая ей руку. – Ну-ну, не надо сверкать глазами. Я не издеваюсь. А за тем камнем – вход в одно надежное местечко. Один из его хозяев – мой старинный приятель. Спускайтесь, госпожа! Вы верно заметили – солнце село. А ночью в Мертвом Эгесе делать нечего.

– Но мы же... – Спутница неуверенно оперлась на мою руку и соскользнула с седла вниз. – Мы же здесь?

– Пока что. – Покрутив головой, я задумчиво посмотрел на развалины старого храма. Хоть и одни стены остались, а святое место все-таки! И подвал какой-никакой у них там должен быть. Главное, Ветерка туда запихнуть без лишнего шума и дверь запереть. Если она сохранилась. Конь мне еще понадобится.

– Я думала, к ночи мы уже будем на межграницье, – настороженно озираясь, неуверенно пробормотала кнесна де Шасвар. – Вы же в бегах, капрал!

– Временно в бегах, – поправил я. – А что до межграницья, так ночью там не безопаснее, чем в Мертвом Эгесе. Придержите лошадь, я сейчас.

– Куда вы? – всполошилась девушка.

– Не беспокойтесь, я вас не бросаю. Но и коня бросать... – Спohватившись, я вовремя заткнулся, едва не брякнув: «На съедение». С каждой минутой все темнее и темнее, а в компании с пугливой девицей шариться по храмовым лабиринтам – только время терять и нервы.

– Стойте тут, – велел я. – Если что, прыгайте в седло и скачите обратно к Третьей заставе. Только не оборачивайтесь.

– П-почему?

Вот именно. Почему. Почему я не могу обойтись двумя словами?

– Потому что. Прикиньтесь деревом и ждите меня. Я быстро.

– А...

Не дослушав, я шагнул в полуобвалившийся дверной проем. Солнце давно село, луны не видно, даже без крыши темнотища такая – хоть глаз коли. Надо поторопиться. Между жизнью и лошадьё, пусть даже такой, как Ветерок, я все-таки выберу первое!

Я споткнулся о почерневшую от огня и времени балку, выругался сквозь зубы и чиркнул огнем. Короткая желтая вспышка на мгновение выхватила из сырого мрака обшарпанные стены, высокие колонны в черных трещинах и покрытый копотью алтарь – там, впереди. Удивительно, как здание вообще устояло? Ведь вокруг сплошные развалины... Вмешательство свыше? Я криво усмехнулся. Углядев возле стены высокий громоздкий шкаф, потянул на себя дверцу. Она осыпалась в моих руках жирной черной пылью. М-да. Огонь и время... Наскоро отряхнувшись, я сунул руку в недра шкафа и, нащупав внутри какую-то ветошь, снова чиркнул огнем, высекая искру на обрывок тряпки.

Крошечный дрожащий язычок пламени еще больше сгустил темноту. Надо найти какую-нибудь деревяшку для факела.

– Ах ты ж!.. – вырвалось у меня.

«Ветошь» оказалась полуистлевшим балахоном храмовника, а подожженная мной тряпка – оторванным рукавом. Более того, на одного служителя тот балахон и был надет... Высохшее тело мертвеца не выглядело черным и обугленным, как все вокруг – от горелых ломаных скамеек до самого «шкафа», оказавшегося исповедальней. Теперь понятно, почему покойник так хорошо сохранился. Я окинул взглядом скрючившееся на скамеечке тело. Бедняга. Почему он тогда не ушел вместе со всеми? Забыли в суматохе или сам не захотел? Поди пойми этих храмовников... Впрочем, мне-то что до них? Мне коня надо спрятать!

– Прости, старик, – покаянно пробормотал я. Дернул на себя занявшийся балахон и быстро наverts оторвавшийся кусок ткани на подобранную тут же ножку то ли стола, то ли стула. – Тебе оно уже без надобности... Так, факел есть. И где у нас тут вход в подвалы?

– Слева за алтарем. Вниз по лесенке. Но лошадь там не пройдет, солдат.

– Вот незадача... Кто здесь?!

Я схватился за клеймор, второй рукой беспорядочно тыча факелом в разные стороны. В храме никого не было. Только я.

Только я и мертвый служитель.

– Оружие ни к чему, – прошелестел голос. Звучал он, кажется, откуда-то сверху. По крайней мере, скрюченное тело никаких признаков жизни не подавало – надо думать, на мое счастье. – И не вертись. Мой дух неосязаем. Оставь коня здесь, солдат. В храме Вечного Змея ему ничего не грозит.

– С-спасибо... – выдавил я, оглянувшись на вход. Идея поискать пристанище для Ветерка уже не казалась такой хорошей. То-то я и думаю, почему самоцветы с алтаря еще не ободрали?... Мародеры – народ ушлый, им что Мертвый Эгес, что живой... Но связываться с храмовниками Вечного Змея, да еще и порядком засушенными, – последняя глупость. Они и при жизни миролюбием не отличаются. Нет, не мой сегодня день. Точно не мой.

– Как знать. – В безличном голосе, казалось, промелькнула улыбка. Мысли он мои читает, что ли? – Порой все начинается с конца... Совсем стемнело. Поторопись. Я пригляжу за лошадью. А тебе и так будет чем заняться.

– Это вы на нее намекаете? – ляпнул я, махнув рукой в сторону оплавленного крыльца. И запоздало примолк. Ну что мне, делать больше нечего, кроме как с духами усопших разговоры разговаривать?! Да еще с такими. – Простите, что побеспокоил, – поспешно забормотал я, тихонько пятясь к выходу. – Не мог знать, чей покой нарушаю... Со всем уважением... А лошадь уж как-нибудь снаружи переждет, что ей сде...

– Трое, – перебил меня голос мертвого храмовника. – Заходят со стороны колодца. Голодные. Поторопись!

– Но я ничего не...

– А-а-а-ай-й!

– О боги!

Помните, я с пару минут назад про кархулов не ко времени брякнул? Ну вот, можете меня поздравить – накаркал, идиот.

Когда я, размахивая факелом и клеймором одновременно, выскочил из храма под аккомпанемент истошного женского визга, представшая глазам картина, прямо скажем, не обрадовала. Урожденная кнесна де Шасвар, повиснув на шее хрипящего Ветерка, верещала на весь Мертвый Эгес, а к ней, плотоядно ворча, подступали три темные фигуры. Сгорбленные мохнатые спины, маленькие острые ушки, мускулистые трехпалые лапы... И узкие длинные морды с подпирающими нос клыками. Из щелкающих пастей на землю стекала слюна. Слух у покойника – сдохнуть от зависти. Трое, да, и голодные. А если вспомнить, что кархулы – сплошь самцы, не чуждые плотских удовольствий и не особо разбирающиеся, какого жертва пола...

Лучше бы меня Цербер своими руками удавил!

– Камень! – завопил я, прыгая вперед. Верный клеймор серебристой молнией распорол ночную темноту. – Камень, у правой стены, белый!.. Да плюньте вы на лошадь, уже не до этого! Нас всех сейчас... У-у, погань слюнявая!

Клинок со свистом взлетел в воздух и, ястребом рухнув вниз, перерубил лапу особо нетерпеливой твари. Кархул дико взвыл и отпрянул. Зато его приятели, чтоб им лопнуть, начали заходить с двух сторон.

– Госпожа де Шасвар! – вертясь юлой, прошипел я. – Вы меня слышали?! Камень! Быстро!

К ее чести, спорить кнесна не стала. И даже коня отпустила. Визжать не прекратила, правда, ну да ладно уж. Да и кто бы перестал? Кархулы – это тебе не богли и даже не почивший храмовник. А умереть мы всегда успеем. И хотелось бы менее варварским способом.

– Капрал! – запаниковали сзади. – Этот камень слишком большой! Я его не подниму!..

– Да кто вас просит?! – выругался я, ткнув полыхающим факелом в морду наседающего слева зверя. – Нашупайте там сбоку выступ... Треугольный...

– Сейчас... Нашла! А дальше?

– Жми! – заорал я, плюнув на политес.

Съездив напоследок по морде третьему кархулу, гигантским прыжком достиг правой стены заброшенного храма. Позади щелкали челюсти и хрипел Ветерок. До слез жаль его, беднягу, но выбирать не приходится. Жизнь дороже. Кроме того, если меня сожрут – еще полбеды, а если дочку правителя Шасвара... Вся рота в каторжные бараки переедет! Я не бог весть какой благородный, но друзей подставлять – последнее дело.

– Держись! – выдохнул я, швыряя факел через плечо. И, не выпуская оружия, освободившейся рукой уцепил девушку за тонкую талию.

За спиной с мерзким скрежетом проехали по камню когти, полоснул уши гнусный надтреснутый рев кархула... и распавшийся на две половинки камень сомкнулся снова, приняв нас двоих в темные подземные недра.

Душный, теплый мрак привычно окутал со всех сторон, как лисья шуба. Ни дуновения ветерка, ни шороха – только мое тяжелое дыхание и несвязное бормотание спутницы. Кажется, она молилась. Ну или пыталась... И я ее понимаю! Когда мы с Блэйром впервые нарвались на кархулов, нас долго преследовало навязчивое желание бросить военную службу и уйти в святую обитель Милостивых Братьев послушниками. Туда принимают даже милезов. И уж там-то не пришлось бы скакать из огня да в полымя... Но отец не позволил. Жаль. Почему-то кажется, что отринуть мирское мне в ближайшем будущем захочется не единожды.

– К-капрал Иассир...

– Тихо, тихо, – успокаивающе прошептал я, с трудом выравнивая дыхание. – Здесь нас уже не достанут.

– Капрал Иассир... мне нечем дышать. Не могли бы вы убрать руку?

– Э-э... извините. Разумеется. – Я отпустил девушку и, прокашлявшись, поинтересовался: – Как вы? Вас не поцарапали?

– Хвала Матери Рассвета – нет. – Она прерывисто вздохнула. – Но спать я теперь точно не смогу! Эти... они такие... жуткие!

– Да уж. Кархулы красотой никогда не отличались. Несмотря на то что для продолжения рода выбирают, как правило, женщин посимпатичнее.

– Простите?!

Я поспешно прикусил язык. Который, чтоб мне его дверью прищемили, в последнее время совершенно не хочет сидеть на привязи! Мало бедняжке вида кархулов, мало того что ее едва не съели, так добрый капрал чуть в подробностях не растрепал, чем эти твари любят развлекаться перед едой! Вот он, результат общения с распущенными сановными женами. Хорошо тут темно. А то наивная девочка все по моему лицу прочла бы. И, прямо скажем, душевного здоровья это бы ей точно не прибавило.

– Гр-р-р... – дружелюбно донеслось из темноты лаза, живо напомнив мне, что на душевном здравии кнесны де Шасвар и так уже можно смело ставить крест.

Вновь задрожавшие пальчики судорожно вцепились в мой лацкан:

– Что это?

– Тсс. Без паники. Все в порядке.

– Гр-р-ры-ы! – радостно подтвердили впереди.

Моя спутница издала придушенный всхлип и, кажется, попыталась упасть в обморок. Я привычно придержал ее за талию.

– Тихо, тихо! Это Изюмчик. Он безвредный.

– И... ик!.. зюмчик?!

– Любимый зверек моего приятеля. Я вам про него недавно говорил. Тсс! Только не кричите! Изюмчик безвредный, но пугливый. А когда он пугается, то и в ногу вцепиться может. И зубы у него, я вам доложу...

– Ах-х...

Тьфу. Да когда ж я заткнусь-то наконец? Успешно поймав разом отяжелевшее тело девушки, я философски вздохнул и, нащупав ногой уходящие вниз ступеньки, сердито сказал:

– Цыц! Изюмчик, родной, не признал, что ли?

– Гры-ы, – с облегчением рыкнули в ответ, и колючий слюнявый язык радостно проехался по моему сапогу, снимая стружку кожи.

– Ну вот и славненько. – Я поудобнее перехватил в руках свою ношу. – Посветишь дяде, малыш?

Во тьме с готовностью вспыхнули два желтых глаза размером с блюдца. Стали видны уходящие вниз каменные ступени и осыпающиеся мелкой пылью земляные стены глубокого извилистого коридора. Я покосился на свесившую кудрявую головку девушку, снова вздохнул и с энтузиазмом обреченного потопал вниз.

– Кнесна? Кнесна де Шасвар? Айден, ты с ума сошел? – свистящим шепотом поинтересовался Пемброук, раз уже в пятый оглядываясь на плотно прикрытую дверь «отдельного кабинета». Да, в заведении «Кротовья нора» были и такие столики. Слишком уж порой непростые люди (да и не люди тоже) сюда захаживали.

– Не трави ты душу, – вяло огрызнулся я, опрокидывая чарку. Горло обожгло огненной волной. – Кхе! Ядреная брага у тебя нынче.

– Обновленный рецепт, – скромно потупился совладелец «Кротовьей норы». – В этот раз на печенках болотного шишкоккрыла настаивал. Что ты плюешься?!

Я утер губы рукавом и, подумав, махнул рукой. Пемброук, благополучно истолковав этот жест как просьбу повторить, наклонил кувшин... Я подумал – и не стал возражать. В сущности, что такое печенки шишкоккрыла против моих проблем?

– Дружище, – опрокинув новую чарку и с трудом проморгавшись, прохрипел я, – нужна твоя помощь.

– Это я догадался. Но если ты дочку кнеса из отчего дома уволок, то...

– Окстись, Пем! Я что, совсем идиот, по-твоему?

– Ну-у-у...

– Не понял?

– Пошутил я, – вздохнув, отозвался приятель. – Помогу, не чужие небось. На дно залечь хочешь, да?

– Именно.

Я огляделся по сторонам. Большой зал (а попросту говоря – пещера с земляными полами и потолком, скудно освещенная полудохлыми факелами в стенных нишах) был наполовину пуст, но все равно народу здесь хватало. В основном, конечно, наш брат милез, остальные наплзут через пару часов, когда ночь окончательно вступит в свои права. В заведении Пемброука и Дуна случайных людей не бывает. Собственно, людей, знающих о существовании этого места, во всем Эгесе можно по пальцам пересчитать. Что они тут забыли? Другое дело – мы. И кое-кто из фениев.

И такие, как Пемброук.

Я поднял над столом чарку, вновь наполненную заботливым товарищем, и благодарно улыбнулся:

– За друзей!

– Спасибо, – снова потупился тот.

Он славный парень, очень стеснительный, несмотря на внешность и род деятельности. Совладельцу такого заведения, как «Кротовья нора», не с руки быть тонко чувствующей натурой, а застенчивый кварталер – вообще ходячая насмешка. Только попробовал бы кто обидеть этого добродушного громилу! В таком случае незадачливому насмешнику пришлось бы иметь дело не только со мной, Блэйром или тем же Изюмчиком – ему бы пришлось разговаривать с Дуном. А это, скажу я вам, без вариантов.

– Капрал! – Дверца «отдельного кабинета» скрипнула, и наружу высунулась растрепанная кудрявая голова. – Капрал, мне бы... ой!

Глаза кнесны, натолкнувшись на Пемброука, в ужасе расширились. Друг привычно вздохнул:

– Дуна увидела. Ты ей что, не сказал?

– Не успел. – Я поднялся с лавки. – Госпожа, подождите внутри. Вам не стоит...

– Ой-й... – Ее голос сорвался на шепот. А глаза, все такие же круглые, медленно обводили взглядом зал. И с каждым встреченным посетителем становились все больше и больше.

– Пем, извини. – Я быстро кивнул товарищу и, едва ли не бегом добравшись до дверцы «кабинета», аккуратно задвинул стоящую столбом девушку внутрь. – Госпожа, я же просил не высовываться! Вас могут увидеть...

– Нет.

– Что – нет?

Взгляд зеленых глаз (их нынешнему размеру обзавидовался бы даже Изюмчик) медленно переместился с закрытой уже двери на мое лицо:

– Вы не поэтому велели не выходить, капрал. Не потому, что меня могут увидеть. А потому, что я могу увидеть... их! – Голос ее дрогнул.

– И что? – Я развел руками. – Вы рады, что меня не послушали?

– Нет, – повторила она и сникла. – Я хотела только... ну не важно! – Она с размаху опустилась на резную лавочку возле столика. – Уже не хочу. Ничего не хочу. Вы мне говорили про своего друга – это с ним вы у стойки беседовали, да?

– Его зовут Пемброук.

– А это... то, что висит у него за спиной?

– Этот, – поправил я. – Его совладелец Дун. Они, собственно, братья.

– Но... но...

– Тихо. – Я присел рядом и утешающе приобнял девушку за плечи. – Это, конечно, не самое приятное зрелище, но и не самое страшное. Да, их двое. И тела у них два. Спина только одна, кхм... Пемброук – он ночной трактирщик, а Дун – дневной. Поэтому сейчас спит – «висит», как вы выразились. Вы нас застали врасплах, госпожа. Обычно к новым людям братья спиной не поворачиваются. Но оба – отличные парни, даю слово. Не пугайтесь так. Если уж и они свыклись...

– А остальные? Они... они же...

– Уроды, – мрачно сказал я. – Так обычно называют квартиронов, госпожа.

– Квартироны? – Она наморщила лоб. – Но ведь полукровки не могут иметь детей!

– Женщины – нет. А мужчины, увы, могут. Вы не задумывались, почему все так боятся смешанных браков? Нет, не только потому, что в результате получаются такие дети, как я... Гораздо страшнее вот *такие* внуки.

Она молчала.

– Если хотите, я попрошу Пемброука, чтобы он сюда не заходил, – помявшись, предложил я. – Он поймет, вы не думайте. Привык уже. С Дуном, конечно, будет посложнее, учитывая, что мы тут застрянем по крайней мере на несколько дней, но...

– Не надо, – решительно возразила дочь кнеса. – Он не виноват, что так выглядит. И они, – она неопределенно махнула рукой в сторону тонкой дощатой перегородки, – они тоже не виноваты. Мне стыдно, что я так вытаращилась на них, но я... О, Мать Рассвета! Я никогда не видела такого!

– Еще бы. Девушкам из приличных унгарских семей, подобных вашей, эту часть жизни не показывают. В сущности, оно и к лучшему.

– Это ужасно, – тихо вздохнула девушка. И, будто собравшись с духом, протянула мне ладонь. – Я ведь так и не представилась, капрал Иассир. Меня зовут Матильда.

– Айден. – Подумав, я коснулся губами шелковистой кожи. – Не лучшие обстоятельства для знакомства, но... Вы не голодны?..

– Пожалуй. – Матильда смущенно опустила ресницы. – Только я не взяла с собой ни монетки, и мне, право, неловко.

– Да бросьте, – не удержавшись, фыркнул я. – Может, я и не кнес, но даме умереть с голоду не позволю.

Я многозначительно хлопнул ладонью по поясу, с благодарностью помянув про себя предусмотрительного товарища, и встал.

– Сейчас принесу чего-нибудь. Или есть особые пожелания? Вы не смотрите, что зал обшарпанный, кухня здесь отменная.

– Ну разве что... – Девушка, поколебавшись, решительно подняла голову. – Вы там, за стойкой, что-то пили, капрал?

– Редкую дрянь, – честным шепотом признался я. – Но весьма крепкую. А что?

– Несите!

– Госпожа де Шасвар, вы уверены?

– Несите! – повторила она, сведя брови на переносице. – Пусть! Дрянь так дрянь. Хуже все равно уже быть не может.

Я пожал плечами и вышел. Хочет бражки по «обновленному рецепту» – да пожалуйста. Что мне, жалко, что ли? Рука снова коснулась пояса, за которым был спрятан туго набитый кошель. Денег не жаль, это правда.

А вот кнесну де Шасвар...

Говорят, болотный шишкокрыл – рептилия ядовитая. Не знаю, голыми руками ловить не приходилось. Но, судя по настоящей на его печенке браге, дыма без огня не бывает.

– К-капрал, ну впустите его... он так просится!

– Изюмчик, брысь! Брысь, побирушка! Госпожа, я все видел.

– А что такое? – эдаким ангелочком воззрилась на меня она, как будто невзначай отпихивая носком ботинка кусок отбивной в сторону двери.

В щель над полом тут же просунулся длинный фиолетовый язык – и мясо исчезло. О да. Наш Изюмчик умеет найти подход к любому, а особенно – к женскому сердцу! Несмотря на внушительные габариты, игольчатую дикобразью шерсть и четыре десятка клыков в два ряда.

– Ну капра-а-ал!

– Если я его впущу, его отсюда уже никто не выгонит, – отрезал я, нетвердой рукой наполняя чарки. – Ваше здоровье!

– В-вы так любезны, – церемонно поклонилась кнесна де Шасвар, расплескав половину на свой камзол. Мой мундир она залила бражкой еще раньше. – В-вы знаете, капрал, я думала, военные – они такие... ну-у...

– Дубье, ага, – захихикал я, пытаясь поймать вилкой скользкий грибочек на закуску. Грибочек оказался малым ушлым и даваться не спешил. – Мы, знаете ли, разные! Но вот наш обер Стефиан – та еще чурка осиновая. Только тсс...

– Тсс, – согласно закивала моя спутница, лихо опрокидывая чарку. Зеленые глаза на мгновение остекленели, слегка разошлись в стороны и наконец сфокусировались на мне. – Ой-й... Вы такой симпатичный, капрал Иассир!

– Ну что вы, – галантно потупился я, борясь одновременно с двумя желаниями – бросив вилку, начать есть руками и... тьфу ты.

О чем я вообще думаю? Тут за счастье будет, если это зеленоглазое чудо получится отцу вернуть в целости, а я уже слюни распустил, как тот Изюмчик! Так, надо с брагой заканчивать. Честное слово. Иначе... О боги! Она камзол расстегивает?!

– Госпожа, вы... того... не этого!

– П-простите?

Уже третья пуговица. Держите себя в руках, капрал Иассир. Держите себя в руках!

– Тут это... того... сквозняки! Лютые... Вы курточку не того... обратно, да?

– Вы т-такой смешной! Уф, жарко...

Четвертая пуговица. Пятая... Да за что же мне это все, а? Так, держаться! Я офицер! Офицер... Офи... А-а-а, да пошло оно все лесом! Да, я офицер, но что же я, не мужчина, что ли?!

– Госпожа де Шасвар...

– Капрал Иассир...

Наши глаза встретились. Тонкие руки обвили мою шею, розовые губки приоткрылись... И не успел я сомкнуть ладони на узкой талии, как кнесна, упав мне на грудь, душераздирающе зарыдала:

– Вы такой добры-ы-ый!.. Такой благородный... У вас такие трудности, а я... Я не хотела подводить вас... ик!.. под монастырь! Правда, не хотела! Но вы бы знали-и-и... Ох если бы вы знали-и-и!

А я знаю. Я знаю, что, если она еще раз ткнется мне носом в шею, ее папа завтра утром убьет нас обоих.

– Кто придумал эти проклятые карты?! Кто?! – продолжала причитать она. – Ну что я такого сделала? Почему я должна выходить замуж н-непонятно за кого?.. Почему, почему-у-у...

Замуж. Она сказала – замуж?.. Я медленно моргнул. Бархатный туман в голове начал стремительно рассеиваться. То есть у меня сейчас на коленях сидит дочка великого кнеса. Которую собираются выдать замуж. Причем, судя по ее происхождению и рыданиям, жених подобран соответствующий. А я ее чуть было не... Боги! Как у моего отца мог родиться такой на всю голову больной сыночек?!

– Г-госпожа де Шасвар... – Собрав остатки воли в кулак, я попытался снять рыдающую девицу с коленей. Не тут-то было. – Госпожа де Шасвар, успокойтесь. Нет-нет, бражки вам уже хватит! Чтоб я еще хоть каплю... Хотите грибочек? Вку-у-усный грибочек, честное слово!

– Н-не хочу, – всхлипнула она, еще теснее прижимаясь ко мне. – Н-не буду! И замуж не пойду! Я... я... я ему так отомщу-у-у... так...

Я зажмурился, понимая, что в планах мести мне, судя по всему, уготована главная роль. И, что самое поганое, я ничего не имею против. Как там кричала моя последняя пассия, размахивая кинжалом? «Кобель проклятый»? Ну что ж, за что боролись, на то и напоролись.

Стальной капкан обьятий на моей шее внезапно ослаб. Рыдания тоже прекратились как по волшебству. Не понял?..

– Госпожа де Шасвар? – Я приоткрыл один глаз. – Матильда, вы...

М-да. Для новичка она еще долго продержалась.

– Мм? – невнятно донеслось из складок моего мундира.

Я вздохнул – то ли от разочарования, то ли с облегчением – и поднялся, держа на руках свою мирно посапывающую спутницу. Тут за дверцей и кровать есть. Пемброук нам выделил расширенный «кабинет»... И если вы сейчас думаете, что я по-прежнему намерен губить себе жизнь, то вы сильно ошибаетесь! Перина достанется кнесне, а я как-нибудь возле столика перекантуюсь. Без того чуть не влип по самое не балуйся... Я толкнул внутреннюю дверь ногой и, пригнувшись, вошел в крохотную комнатку для отдыха. Нет, она предназначалась не для увеселений – она предназначалась для таких вот беглецов, как я. И как она. Решительная девушка, однако! Сбежала из-под венца, не убоившись папеньки? Предпочла самоубийство замужеству?.. М-да. Если бы это был мальчик, кнес мог бы им гордиться.

Я осторожно опустил девушку на кровать, краем уха уловив легкий скрип двери. Судя по сосредоточенному сопению и легкому шороху костяных игл, Изюмчик таки прорвался в райскую обитель.

– Брысь, паршивец! – тихо шикнул я. – Еще разбудишь, мне тогда только вешаться.

– Гр-р-ры, – тоже понизив голос, отозвался питомец Пемброука. Не обращая на меня никакого внимания, он с грацией бегемота запрыгнул на кровать. Та натужно заскрипела, но устояла.

– Изюмчик! Пшел вон!

– Р-р-р!

Замечательно. Этот игольчатый паразит мне еще зубы показывает? Вот нажалуюсь Дуну, он не Пемброук, он ему задаст. А я не буду. У меня всего две руки и две ноги, а Изюмчик уже улегся возле госпожи де Шасвар, по мере сил изображая милого котика. Или песика. Трын его разберет, короче, все равно ни на того, ни на другого он ни разу не похож!

– Зараза колючая, – скорчив гримасу, проворчал я и вышел, прикрыв дверь за своей спиной. – Хоть грибы доем, что ли... За неимением других радостей.

– Обязательно, – ухмыльнулся человек в плаще, сидящий, закинув ногу на ногу, на резной лавочке у столика. – И я еще сыр заказал. Что же вы, капрал, без закуски-то?

– Ты кто такой? – Я схватился за клеймор. Без закуски – это еще полбеда. А вот то, что меня только за сегодня уже во второй раз врасплох застают...

Человек в плаще снова хмыкнул:

– Расслабьтесь. Никто на вашу голову не покушается. Я от Блэйра. – Он сбросил капюшон, и у меня отлегло от сердца – этот чешуйчатый узор на лице я узнал бы с сорока шагов.

– Змей...

– К вашим услугам, – вежливо склонил голову мужчина. И откинулся спиной на перегородку: – Ну так что, капрал Иассир? Днем поговорить не вышло, учитывая обстоятельства, но сейчас у нас уйма времени. Рассвет еще не скоро. И я весь внимание.

Гомон голосов за тонкой стенкой «кабинета» давно затих. Посетители расплзлись по домам и норам – там, наверху, уже рассвело. Облокотившись о столешницу, я задумчиво гонял пальцем по тарелке героический грибочек, так и не ставший моим трофеем. За дверцей в углу раскатисто храпел обнаглевший Изюмчик. Или у кнесны де Шасвар необычайно крепкий сон, или у Пемброука действительно ядреная бражка.

Змей ушел с четверть часа назад.

Ушел, пообещав сделать все, что возможно: то есть вычислить ту сволочь, благодаря которой меня сейчас с собаками ищет весь Эгес. И я знаю, что Змей обещание выполняет. В своем деле они мастера. Но проблема не в этом!

А в том, что за свои услуги они попросили такое...

– Единорог? – Я подавился сыром. – Вы сказали – единорог?

Мой гость легонько пожал плечами:

– На дикцию я пока что не жалуюсь. Да, единорог. Желательно живой.

– Да где я вам его возьму, хоть живого, хоть мертвого? Это же чушь! Единороги – сказка!

– Есть мнение, что не совсем.

– Да что вы говорите?

– Мы за свои слова отвечаем, – чуть нахмурился мужчина. – И информацию привыкли проверять. А она такова, что кое-кто из наших своими глазами видел единорога. И я лично склонен верить этому человеку.

– М-да? – скептически хмыкнул я. – А этот «человек» случайно не любитель...

– Спиртное у нас под строжайшим запретом, – отрезал Змей. И, поймав мой многозначительный взгляд, поспешно добавил: – Дурман – тем более. Не понимаю, капрал, что толку в этих препирательствах? Учитывая ваше незавидное положение.

– Угу. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что?

– Отчего же. – Гость нырнул рукой под плащ и вынул свернутый в трубочку лист бумаги. – Что нам нужно, я вам только что озвучил. И вы определенно не раз видели единорогов на картинках. А относительно того, куда вам следует пойти...

– Гхм!

– Ну что вы, капрал! Туда вы пойдете лишь в самом крайнем случае, – ехидно обронил Змей. И развернул лист: – Вот карта. Единорога видели здесь. Насколько я знаю из легенд, эти животные не склонны к частой перемене мест, а с момента его обнаружения в Плывающей долине прошло всего-то дней десять.

– Плывающая долина? – Я напрягся.

– Да.

– Но это же... Фирбоуэн?

– Вас что-то смущает, господин капрал? – поднял бровь мужчина. Его узкие черные зрачки вытянулись в ниточку. – Признаться, я удивлен. С вашей громкой славой одного из лучших офицеров Порубежной стражи, с вашим несомненным мужеством и храбростью...

– Не тратьте время понапрасну, – отрезал я. – Да, я офицер. Я порубежник. И не самый худший рукопашник. Но я же не идиот!

– Вы уверены?

– Не понял?!

– Только очень недалекий человек может отказаться от наших услуг из-за такой малости, – скучающим тоном проговорил Змей. – Достать единорога! Что может быть проще?

– Не знаю. Но я вам скажу, что может быть сложнее: пересечь границу Фирбоуэна и не стать при этом похожим на ежика. Стоит унгарскому солдату приблизиться к фенийской заставе хоть на двести футов – и фении его порвут, как Изюмчик мешок с солониной!

– Да, весьма забавный зверек. – Тонкие губы гостя дрогнули в улыбке. – И насчет запрета на переход границы я в курсе, конечно. Как и насчет того, что кое-кто из клана Меняющих Форму имеет к вам некоторые претензии. Но это не проблема, капрал. На обороте карты есть план лабиринта с пометками на свободных входах. По нему вы легко попадете туда, куда надо. Милезов хватает везде, вы в глаза бросаться не будете. Обойдете границу снизу – и участь мешка с солониной вам не грозит.

– Стойте. – Я потер рукой вспотевший лоб. – Какой лабиринт? Где?

– Здесь. – Мужчина неопределенно развел руками. – Мы с вами сейчас как раз в одном из его ответвлений. Еще отец нынешних хозяев засыпал проходы, обезопасив себя от ненужных гостей, однако...

– Однако для меня вы один из этих проходов открыли, да? – процедил я, понимая, что деваться некуда. Или Змеи получают своего единорога, или постараются, чтобы Цербер получил мою голову в как можно более сжатые сроки. Нет, убивать меня они, конечно, не станут. У них есть свой кодекс. Но разве смерть – единственное, чего стоит бояться?

– Значит, договорились? – Гость удовлетворенно улыбнулся.

Ну да, они не только по губам читать умеют, но и по лицам тоже. А актер из меня всегда был посредственный. Я вымученно кивнул:

– Договорились.

– Вот и славно. – Змей набросил капюшон и встал. – Надеюсь, каждый из нас получит желаемое. И со своей стороны могу гарантировать – если вы достанете единорога, вашего «двойника» мы вручим вам тепленького, прямо в руки и с шелковым бантиком на шее.

– А бантик зачем?

– Чтобы рубить было легче, – хмыкнул он, берясь за ручку двери. – Удачи, капрал. Мы будем ждать вас у храма Вечного Змея, того, что наверху, столько, сколько потребуется. Главное, чтобы вы вернулись не с пустыми руками.

– Ну разумеется. А ловить эту зверюгу мне как раз голыми руками и придется? Я, если что, не бог весть какой наездник. Хоть бы инструкцию дали!

– Была бы – дали бы обязательно. – Змей ухмыльнулся. – Ну вот, к примеру, есть легенда, что единорог с невинными девушками ласковее котенка.

– Угу, – мрачно кивнул я. – Вот у меня знакомых девственниц аж полгорода!.. И каждая ждет не дождется, когда...

Я оборвал фразу, поняв, что разговариваю сам с собой. Змей исчез, даже воспоминаний не осталось.

Остались только лежащая на столе карта и осознание собственного бессилия. Какой лабиринт, какой Фирбоуэн, какие единороги? Я простой порубежник, а не имперский паладин.

Еще и девственниц им подавай!

– Пойду к Пемброуку, напьюсь напоследок, – тоскливо пробормотал я, заглянув в пустой графин из-под бражки. – Эх, госпожа, госпожа... не того вы себе спасителя выбрали!

Я поднялся. И тут же сел обратно. Девственницу, значит? А что, пожалуйста! Вон у меня в соседней комнате одна как раз в обнимку с Изюмчиком тяжелого похмелья дожидается. Из-под венца сбежала? Сбежала. Значит, невинна? Определенно. Дочь кнеса не того воспитания, чтобы до свадьбы честь терять... Ну, наш высокоградусный ужин не в счет. Это обстоятельства. И все равно ведь ничего не было!

Я довольно потер ладони, кинул в рот еще кусочек сыра и, покосившись на дрожащую от Изюмчикова храпа дверь, нахмурился. С девственницей я здорово придумал, конечно. Только где гарантия, что она сама на все согласится? Да, кнесна просила вывезти ее из Эгеса. Но это не значит, что она и дальше за мной побежит, как собачка на цепочке... И вполне возможно, что, поразмыслив, предпочтет постылого жениха сомнительному удовольствию шататься со мной сначала по каким-то лабиринтам, а после – по просторам враждебного государства. Заставить ее я не могу.

Могу только попросить.

Но в конце концов, ведь я же пошел ей навстречу, не так ли?

Глава пятая

Матильда

Судя по храпу, раздающемуся рядом, Шемьен этой ночью опять напился как скотина и, вместо того чтобы лечь в своей спальне, не придумал ничего лучше, кроме как заползти в мою комнату.

Стоп. Но почему тогда я не чувствую запаха перегара и у меня так болит голова?! Как же у меня болит голова...

Да еще и пить хочется.

– Элуш, – жалобно протянула я. – Элуш!

Ох, моя ж голова...

Мне под нос подсунули кружку, чья-то ладонь мягко коснулась затылка:

– Выпейте, госпожа.

Это был рассол. Но, Зеленый Отец, такого вкусного рассола я не пила никогда! Такого вкусного, освежающего, такого спасительного...

Стоп. Голос – мужской. Принадлежит не Шемьену. И храп не стих.

Не открывая глаз, я медленно повела рукой по кровати, пытаюсь сообразить, где я, с кем я и вообще как тут оказалась. Укололась обо что-то острое и, тихо зашипев, отдернула руку.

– Осторожней, госпожа. – Кто-то перехватил мою ладонь в воздухе. – И скажите спасибо, что у Изюмчика уже закончился яд на иглах.

Изюмчик.

Мертвый Эгес.

Капрал Иассир.

И я, расстегивающая пуговицы камзола и обнимающая его за шею...

О Мать Рассвета! Какой позор, Мать Рассвета, какой позор!

А самое обидное, я просто не помню, что было после того, как я повисла на шее у капрала. Я помню, как рассказывала Айдену – да, точно, его зовут Айден, – что прямо здесь и сейчас буду мстить... И я даже примерно помню, в чем должна была выражаться месть! Какой позор, Мать Рассвета, какой позор!

О Вечный Змей! Неужели я действительно рассказала офицеру о Шемьене, о его проигрыше?! Как я вообще могла так поступить?!

Правда, остается вопрос, как именно «так». Я ведь действительно не помню процесс отмищения Шемьену. Вот не помню, и все. Хотя судя по тому, как я, забыв о чести, вешалась на шею офицеру, отступить в последний момент я точно не могла. Да и он вряд ли бы мне отказал, если настоящий мужчина. Значит, что-то было. Тогда почему я этого не помню?!

Но, Мать Рассвета, какой же все-таки позор! Я, урожденная кнесна де Шасвар, – и веду себя как какая-то продажная женщина!

И еще дико болит голова.

За всеми этими размышлениями до меня не сразу дошло, что капрал что-то сказал про яд. Но когда я наконец это поняла... то распахнула глаза и, подскочив на кровати, скорчилась, прижав ладони к вискам. На миг мне показалось, будто в голове что-то взорвалось, как мука во время пожара на мельнице: перед глазами все закачалось, в ушах зашумело...

– Спокойно, госпожа, спокойно. – Мне под нос опять подсунули посудину. Обоняние подсказало – все ту же, с рассолом. – Выпейте еще, и вам полегчает.

Несколько глотков – и туман перед глазами постепенно начал рассеиваться. Я даже смогла разглядеть, что рядом со мной на краю кровати сидит капрал. И смотрит встревоженно-встревоженно...

Шемьен за меня никогда так не беспокоился.

– Вот и умница, – вкрадчиво проворковал милез. – А теперь еще глоток.
Он так обо мне печется... Что же было этой ночью, что я ничего не помню?!

Я покорно отхлебнула из подсунутой кружки, пытаюсь привести мысли в порядок. Ничего не добились, события не вспомнились. Плохо дело. Очень плохо. Смогла лишь рассмотреть помещение, где нахожусь: крошечная комнатка, в которой помещались лишь кровать да расставленные по всем четырем углам магические прозрачно-голубые шары на подставках, служащие источником света.

А ведь трактир этот, в Мертвом Эгесе, совершенно не бедствует, раз может себе такое позволить. Стоимость одного светильника равна полугодовому доходу какой-нибудь крестьянской семьи в Шасваре.

Не бедствуют Пемброук с Дуном, совсем не бедствуют.

– Гр-р? – Мне в бок ткнулся мягкий холодный нос. Я повернулась... И поняла, что вчера действительно выпила слишком много.

Иначе объяснить, как в моей постели могло оказаться это... это... даже назвать не могу, что именно, я не в состоянии.

Уж не знаю, кем были предки зверя, но это чудовище могло легко посоревноваться с кархулами. Огромные глазищи, острые иглы-стилеты вместо шерсти и пасть от уха до уха. Ну и, конечно, размер с теленка.

И это создание провело всю ночь со мной в одной постели?!

Стоп. Если оно спало здесь, значит, с капралом ничего не было?

Ф-фух, мне сразу как-то полегчало.

– Гр-р? – Изюмчик снова ткнул меня носом под локоть.

Первым порывом было оттолкнуть его, но я покосилась на острые зубы и жалобно поинтересовалась у капрала:

– Что он от меня хочет?

– Доброты и ласки. – На лице полукровки не отразилось ни единой эмоции.

– В смысле? – поперхнулась я.

Неужели все-таки что-то было?!

Если господин Иассир и догадался о моих сумбурных мыслях, то виду не подал:

– Погладьте его, просто погладьте.

А у меня уже и мысли дурные полезли...

– Он же колючий!

– По носу, госпожа де Шасвар, – тоскливо вздохнул офицер и, подавая пример, сам коснулся ладонью шершавого носа Изюмчика.

Чудовище блаженно всхлипнуло и, томно прикрыв блюдца глаз, сонным тюфяком расплзлось по кровати, навалившись на меня горячим боком. При этом оно как-то сложило иголки, так что те оказались плотно прижатыми к телу, подобно панцирю, и совершенно не кололись. Представляю, что бы было, если бы он этого не сделал. Да меня бы как бабочку нанизало!

А его нос оказался мокрым и на ощупь напоминал клочок бархата.

– Изюмчик! – громыхнул из-за двери незнакомый мужской голос.

«Ручной зверек» Пемброука меж тем окончательно расслабился и на собственное имя не реагировал.

– Изюмчик, твою дивизию! Где ты шляешься, обалдуй?

Один глаз медленно приоткрылся, обвел взором комнату и снова закрылся.

– Изюмчик, скотина этакая! – За стеной оглушительно что-то громыхнуло, послышались шаги, а в следующий момент в дверь несколько раз ударили кулаком: – Айден, не притворяйся, я знаю, что ты не спишь!

– Так сам ведь не даешь, – кисло отозвался капрал.

– Еще бы! – Дверь наконец отворилась, и на пороге появился тот, кого я до этого видела «висящим»... Точнее, спящим. – Тебе Изюмчик на глаза не попадался?.. Понятно, кто бы сомневался.

Теперь я получила полную возможность рассмотреть Дуна. Он мог бы показаться красивым – молодой, крепко сложенный парень, высокий, мускулистый, кареглазый... Мог бы. Но у меня перед глазами все еще стояла вчерашняя картина: как этот самый парень, чуть свесив голову, спал, словно приклеенный к спине другого юноши – такого же высокого, такого же мускулистого... Два тела. И одна спина.

Изюмчик, приподняв веки и что-то забормотав, спрыгнул с кровати. Я почти ощутила, как деревянный пол прогнулся под его весом.

– Утро доброе, госпожа! – ухмыльнулся трактирщик, проводя ладонью по мягкому носу Изюмчика. Квартерону даже наклоняться не пришлось, такого роста было его домашнее животное. – Привет поближе, Айден.

Капрал дружелюбно кивнул в ответ, а я наконец смогла убедить себя, что раз меня охранял Изюмчик, то уронить свою честь и достоинство этой ночью я точно не могла.

– Доброе, – откликнулась я.

Осталось только, если я когда-нибудь все-таки попаду в приличное общество, убедить в этом всех остальных.

– Изюмчик вам не докучал?

Мне даже улыбнуться удалось:

– Нет, что вы. Все в порядке.

К представителям низшего сословия я привыкла обращаться на «ты», но сказать это сейчас трактирщику я бы не смогла. Не знаю почему. Может, потому, что все равно не воспринимала его как одного человека, а может, потому, что кварталон, зная, что он не такой, как все, смог дожить до своих лет и делать вид, будто все нормально.

Парень добродушно ухмыльнулся и, обронив:

– Завтрак скоро будет готов, – отступил на шаг.

Свистнув Изюмчику и дождавшись, пока чудовище выскользнет вслед за ним из спальни, он осторожно прикрыл дверь, оставив меня наедине с капралом. Спиной Дун так и не повернулся.

После вчерашних слов капрала я была уверена, что мы на несколько дней останемся в Мертвом Эгесе. По крайней мере, вчера он говорил именно так. Каково же было мое удивление, когда после завтрака офицер, о чем-то пошептавшись с Дуном, сообщил, что ему пора трогаться в путь.

– Госпожа де Шасвар, я только хотел бы уточнить, – осторожно начал он. – Я не могу оставаться здесь и вынужден отправиться в Фирбоуэн. И в связи с этим хотел бы выяснить, вы пойдете со мной или... – Тут он запнулся, словно не знал, как продолжить.

Я на миг представила, что буду сидеть здесь, без возможности выйти наружу, без монетки денег, в окружении кварталонов, в полной зависимости от...

– Я пойду с вами! – Во всяком случае, его я уже слегка знаю и могу не опасаться за свою безопасность.

Кажется, милеза обрадовал мой ответ, но он все равно решил уточнить:

– Только хочу предупредить...

– И слушать ничего не желаю! Вы пообещали вывести меня из Шасвара! Я не останусь здесь! Я пойду с вами!

По губам полукровки скользнула легкая улыбка:

– Как вам будет угодно, госпожа кнесна.

Что бы он там ни говорил, я ведь никуда от капрала не могу уйти. Из Мертвого Эгеса в одиночку не выберусь, до границы точно не дойду, а если все-таки окажусь в Фирбоуэне без

денег и связей... Что я там буду делать? Приду в гости к кому-нибудь из Совета Одиннадцати и заявлю: «Здравствуйте, я урожденная кнесна де Шасвар, помогите мне, пожалуйста»? И что тогда будет? В лучшем случае меня вернут в Унгамию. В худшем – попытаются использовать в своих целях. Понятно ведь, что ни то, ни другое мне не нужно.

Выбираться наверх из таверны пришлось другим путем. Впрочем, тот, посредством которого мы попали сюда, я бы не нашла. Капрал, намерное, тоже. Иначе как объяснить, что первым он не пошел?

Со стороны, намерное, наша процессия выглядела комично. Впереди Изюмчик, освещающий дорогу ярким светом глаз, за ним капрал, накинувший на плечо наспех собранную сумку, – переметная осталась на Ветерке (что с ним? Надеюсь, смог сбежать от кархулов...), за унтер-офицером Порубежной стражи я. А замыкал свиту вызвавшийся проводить нас Дун, днем все равно посетителей было не так уж много.

Как ни странно, но вышли мы совсем неподалеку от того места, где спустились под землю. Я даже различила знакомые очертания разрушенного храма, возле которого на нас напали кархулы. И, что интересно, попрощавшись с Дуном, мы направились именно туда.

Изюмчик порывался если не пойти с нами, то хотя бы пробежаться рядом, но был остановлен крепкой рукой трактирщика, так что к храму мы подошли уже вдвоем. А когда я оглянулась, то Дун уже скрылся из виду: то ли под землю спустился, то ли еще что...

У входа в разрушенное здание капрал остановился, немного замялся на пороге, словно не зная, стоит ли входить внутрь, а затем, решительно махнув рукой, шагнул под своды.

Это был храм Вечного Змея. Разрушенный, обветшалый, но до сих пор хранящий дух места. По стенам, некогда разрисованным фресками, расплзлись пятна то ли плесени, то ли сажки. Колонны, подпирающие остатки почти полностью обвалившегося потолка, были покрыты сеточкой трещин. Даже расположенные за алтарем, с которого сползло полагающееся по обычаям покрывало, раздвижные створки, выточенные из дерева, лишь потемнели от времени. Одна из них была чуть отодвинута, но заглядывать за нее я не стала – ничего стоящего там быть не могло.

Капрал порылся в карманах и извлек какой-то свиток. Развернул, некоторое время изучал его, а затем направился к одной из стен. Остановился подле нее и принялся, периодически сверяясь с неизвестной бумагой, простукивать.

Он ничего не хочет мне объяснить? Сказать, что мы здесь забыли? Нет, я, конечно, в храмы хожу, но мне почему-то кажется, что сейчас не та ситуация.

Некоторое время я разрывалась между любопытством и страхом (в конце концов Мертвый Эгес – не место для прогулок), но в итоге все-таки решила, что еще только утро и выйти из города и перейти границу мы еще успеем. Должен же представитель Порубежной стражи знать тайные тропы, чтобы мне не пришлось задумываться о документах?

Пока господин Иассир изучал стены, я подошла к оставшемуся целым алтарю.

Он отличался от тех, что я видела раньше. Время и огонь не тронули старый храм. Мародеры прошли мимо, не потревожив виднеющуюся впереди меж приоткрытых створок статую Вечного Змея... Лишь покрывало, которым полагается укрывать алтари, сползло на пол, обнажив украшенную перламутром поверхность.

Никогда не видела алтарь без покрывала. Я осторожно протянула руку, не зная, можно ли коснуться святыни, и замерла, рассматривая картинку. На плоской поверхности виднелась выложенная переливающимися пластинками фигура Вечного Змея, обвивающая плоскую стилизованную землю (если приглядеться, можно узнать очертания Фирбоуэна), а вокруг – россыпь камней. Лишь в короне на голове хранителя жизни и смерти не хватало одного камня. Одного некрупного овального камня... Но почему забрали только его?

Отверстие гладкое, небольшое, овальное...

Как мой медальон.

А ведь это идея. Я-то свой снять не смогу, а вот второй, который мы нашли благодаря богли...

Милез все еще простукивал стены, изредка сверяясь со своей бумагой. Подойдя к нему, я осторожно поинтересовалась:

– Капрал, а кулон, что мы тут нашли, у вас?

Иассир просто порылся в кармане и, даже не оглянувшись, сунул мне в ладонь обнаруженный медальон, а сам продолжил заниматься своими делами.

Ой-ой-ой, какие мы занятые! Не очень-то хотелось ваше внимание привлекать!

Я вернулась к алтарю и, крутя в руке найденный золотой образок, принялась изучать поверхность алтаря. Гм, интересная вещь... А ведь можно подумать, что этот кусочек металла вынут именно отсюда: на камне алтаря виднелись царапины, которые, вполне возможно, совпадают с царапинами на кулоне. И вот сейчас как раз проверим, совпадают они или нет.

Вряд ли, конечно, что-то получится. Может, даже не поместится...

Кулон легко лег в отверстие на алтаре. Даже ушко пришлось к месту, и цепочку не пришлось вынимать. И царапины совпали.

Бывает же такое. Но как этот кулон мог оказаться в той, оставшейся целой комнате? И почему он так похож на мой?

Задумавшись, я медленно провела пальцем по свернувшемуся кольцом Вечному Змею на медальоне... И в тот же миг фигурка, которой коснулась моя рука, вспыхнула алым. Уже через мгновение она погасла, но загорелась фигурка Зеленого Отца. Потухла – и вспыхнули очертания Матери Рассвета. Потом опять – Змея... и опять – Отца. И опять – Матери... Кажется, вспышки света движутся по кругу. Все быстрее и быстрее... Они уже слились в одно яркое свечение...

И вдруг кулон, с громким треском выскочив из своего гнезда, покатился по полу храма, упав под ноги вышедшему из-за резных створок Ветерку...

Первым пришел в себя капрал. Уж не знаю, видел ли он представление с огнями или оглянулся на звук, но отреагировал очень быстро. Шагнув к невесте как оказавшемуся в храме коню, полукровка поднял с пола упавший кулон, мимоходом бросил в кошель с деньгами, провел ладонью по гриве скакуна и протянул:

– В подземелья он не пройдет. – Какие подземелья? Откуда? – Я попробую договориться с Дуном, может, он сможет его где-нибудь придержать.

Кажется, Иассир совсем не удивился тому, откуда здесь взялся скакун и как он смог спастись от кархулов. Похоже, я что-то упустила в этой жизни.

Впрочем, сейчас капрал не собирался мне ничего объяснять. Он взял скакуна под уздцы и направился прочь из храма, крикнув напоследок:

– Госпожа, я сейчас вернусь... И очень вас прошу, не трогайте ничего!

Мне показалось или по помещению пронесся чуть слышный смешок?

Можно подумать, это я тут бегала по всему храму, перестукивала все стены и чуть ли не мышиные норы перетряхивала! Бегал как раз капрал, совершенно не удосужившись рассказать, что же он все-таки ищет. Ну и как с этим жить?

Ничего-ничего. Сейчас вернется, с Ветерком или без, и я уж точно из него всю правду вытряхну, не будь я урожденная кнесна де Шасвар!

И пусть даже я уже замужем за Шемьеном, но...

При воспоминании о муже сердце вновь тревожно заныло. Я хоть и оправдывала себя мыслью, что ничего этой ночью не было – половину кровати один только Изюмчик занимал! – однако я ведь не помню ничего! А вдруг все-таки что-то было? Неудобно как-то получается.

И ведь главное, у капрала напрямик не спросишь. Не поймут-с.

И вот что мне теперь делать?

Взгляд бездумно скользил по храму. И остановился на полуразрушенной исповедальне у дальней стены. Не особо задумываясь, что делаю, я двинулась к ней. С тихим писком пробежала крыса, невесть как выживающая в Мертвом Эгесе, чем-то стукнула в исповедальне... Ой, нет, я туда не пойду. Крысы – это все-таки как-то... Боюсь я их, в общем.

Я поспешно отступила к уже изученному алтарю. Медленно обошла его и, отодвинув одну из чудом сохранившихся створок в стене за ним, проникла внутрь.

Чуть глубже, как и в обычном храме Вечного Змея, располагалась еще одна исповедальня, для знати: глупо было бы, если бы кнес или барон ждали в очереди, пока исповедается какой-нибудь крестьянин.

Не до конца отдавая себе отчет в своих действиях, я приблизилась к исповедальне, спрятанной за створкой, потянула за ручку дверцы и, даже не испугавшись того, что дерево осыпалось прахом в моих руках, шагнула в небольшое помещение. Опустилась на колени и чуть слышно прошептала:

– Прости меня, о Вечный Змей, ибо я грешна пред именем твоим.

Ответа я не ждала. Какой может быть ответ в Мертвом Эгесе, где на милю вокруг ни одной живой души? Не считать же «живыми» богли или пропавших с ночной темнотой кархулов... Но странное дело: в этой царящей в заброшенном храме тишине мне вдруг послышался тихий шепот:

– Что привело тебя сюда, дочь моя?

Страху не было. Казалось, все так и должно быть: древнее дерево стен исповедальни, редкие лучики солнца, проникающие сквозь мелкую деревянную решетку в кабинке, тихий шепот, которого не могло здесь быть, но который я слышала столь явно.

– Грех мой, отче! – Слова покаяния сами сорвались с губ.

– Назови его, и, коль властен над ним Вечный Змей, очистит он душу твою...

Слова покаяния четко прописаны и вызубрены с молодых ногтей. Разбуди меня в два часа ночи, и я назубок назову каждый из тридцати семи смертных и сорока восьми обычных грехов. Так почему сейчас я заговорила совсем не так, как того требовал канон?

– Я дура! Я просто дура! Я сбежала из дома, да еще с незнакомым мужчиной, а сегодня ночью я с ним... точнее, он со мной... точнее, я не помню, но думаю, что все-таки он... или я... или мы... А еще я напилась как неизвестно кто, и Шемьен, скотина, проиграл меня и...

– Дочь моя, Вечный Змей не волен отпускать такие грехи. – Ровный голос, если это не плод моего разыгравшегося воображения, подействовал как ушат холодной воды. – Во власти хранителя смерти лишь подчинение и своевластие, смерть и конец. Каковы грехи на твоей душе?

– Я не послушалась мужа.

– Любишь ли ты его? Хочешь ли быть с ним? Согласна ли на...

– Госпожа де Шасвар! Где вы? – прокричал капрал где-то совсем рядом, и это мгновенно вывело меня из того состояния, в котором я находилась.

Я вздрогнула и вдруг отчетливо поняла: я нахожусь не дома, не в Эгесе, а в мертвом городе, уже двадцать лет как уничтоженном огненным закланием. В городе, где не может быть никакого храмовника, никто не может отпустить мои грехи... Да здесь вообще никого не может быть! Кроме, разумеется, Дуна с Пемброуком и их соплеменников.

Но тогда кто? Или что?..

Все эти мысли молнией пронеслись в голове. Я вскочила, запуталась в собственных ногах, задела плечом истлевшую стенку... и вместе с трухой, которой осыпалась исповедальня, рухнула на пол прямо перед подбежавшим ко мне капралом.

К его чести, встать он мне помог. И лишь потом начал выяснять обстоятельства:

– Что происходит? Где вы были?

– Простите, капрал. Я задумалась, зашла в исповедальню...

– Какую исповедальню? – Карие глаза милеза метали молнии. – Я весь храм три раза обошел. Вас не было нигде!

– Я тут была... Во второй исповедальне. Вы в нее заглядывали?

Капрал чеканил слова, словно гвозди забивал:

– Здесь нет и не было никакой второй исповедальни. Единственная – у входа, и вас там не было.

Но я ведь где-то находилась!

И кому-то даже каялась... Вечный Змей, спаси и сохрани...

Рука судорожно нащупала образок на шее.

Наверное, на моем лице что-то отразилось, иначе как объяснить, что капрал Иассир сменил гнев на милость и даже попытался меня успокоить:

– Главное, что с вами все в порядке, так что можно не беспокоиться...

– Но что же это было? – Я подняла беспомощный взгляд на милеза.

Кажется, я не вовремя его перебила: капрал запнулся на полуслове и покосился на раздвижные створки – то ли не зная, что ответить, то ли подыскивая путь к бегству. В любую сторону, лишь бы подальше от меня.

Как бы то ни было, достойного ответа капрал Иассир так и не подобрал. Глубоко вздохнул, мотнул головой и резко поменял тему разговора:

– Я договорился с Дуном. Оставить Ветерка у себя он не сможет, в таверну его не заведешь, но передать коня на руки Блэйру, так чтобы никто не заподозрил, где мы и что с нами, – вполне. Мы можем спокойно спускаться в лабиринт.

– Какой лабиринт, капрал? Что мы забыли в этом храме?

Тут невольно вспоминается тот факт, что я уже кое-что в этом самом храме нашла, но лучше я пока об этом промолчу.

Милез на миг задумался, словно не зная, стоит ли говорить, а затем медленно начал:

– Мы ведь с вами условились, что идем в Фирбоуэн, но унгарцев там недолюбливают, сами понимаете. Поэтому через рубеж перейдем под землей. Где-то тут начинается лабиринт, туннели которого ведут за пределы Унгарии. Обнаружив вход в него, мы сможем перебраться к фениям. Ну и заодно к лаумам, агуанам и прочим.

Похоже, осталась мелочь – найти вход.

– Тогда будем искать, капрал? – предложила я.

А что еще делать? Начать капризничать и требовать конного путешествия? Так у меня же документов никаких нет. Что я на посту покажу?

Вход в лабиринт обнаружил капрал. В очередной раз простукивая стены, задел нижнюю челюсть изображенного на барельефе Вечного Змея, и в ту же секунду за моей спиной раздался приглушенный скрип. Обернувшись на звук, я увидела, как плита за алтарем медленно сдвинулась в сторону, открыв проход под землю.

– Кто бы сомневался, – непонятно буркнул порубежник и приблизился к дыре.

Некоторое время вглядывался в темноту, а затем снял с плеча суму и принялся в ней рыться.

– Что вы ищете?

– Там темно, а тащить факелы нерационально. Я одолжил у Дуна магический светильник.

– А... вы умеете им пользоваться? – осторожно поинтересовалась я, наблюдая за тем, как он извлекает из рюкзака блеклый хрустальный шар. – Просто я даже не представляю, как его зажигать, их столько вариантов... Некоторые, чтобы запалить, нужно потрясти, над другими – сказать магические слова, третьи – окунуть в воду. Мы ведь не знаем, какой именно у местного трактирщика.

Вместо ответа милез легонько щелкнул ногтем по волшебному предмету, и внутри него начал разгораться алый огонек.

– Идем? – улыбнулся полукровка, протягивая мне руку.

В подземелье пахло сыростью и одновременно тленом и пеплом. У меня дико чесался нос, хотелось чихать. А еще почему-то – плакать.

Капрал уверенно шагал рядом со мной, без раздумий выбирая нужный поворот коридора и лишь изредка сверяясь с зажатым в руке клочком бумаги. Интересно, откуда у него взялась карта? Тоже Дун дал?

Впрочем, размышлять о тайнах порубежника было особо некогда: шагал он очень быстро и мне постоянно приходилось его догонять. А если к этому еще добавить, что мы действительно шли по лабиринту – туннель постоянно петлял в разные стороны, да еще и множество боковых ходов расходилось, – то, наверное, можно не уточнять, что я и так прилагала все старания, дабы не отстать от милеза.

Еще одним неудобством стало то, что одолженный у Дуна шар являлся единственным источником света – блеклого, какого-то седого и постоянно мерцающего. Я каждую секунду боялась, что он погаснет. А вот капрал Иассир над этим, похоже, даже не задумывался. Держа на вытянутой ладони светящийся шар, он уверенно шагал вперед, лишь изредка сверяясь со своей картой, да еще при этом умудрялся тащить сумку и оглядываться на меня, видимо проверяя, не потерялась ли.

Не знаю почему, но мне очень хотелось сказать ему: «Не дождетесь!» Справиться с этим желанием, не достойным дворянки, удалось с большим трудом.

Видимо, Иассир слишком часто озирался по сторонам и на меня – иначе как объяснить тот факт, что свет впереди увидела я, а не капрал. Темнота и противный запах сырости уже порядком надоели, а потому я ускорила шаг и даже обогнала своего спутника. Впрочем, это могло произойти потому, что он начал уставать.

В любом случае из темного коридора я выскочила первой... И замерла, пытаюсь понять, не снится ли мне увиденное.

Я и вошедший вслед за мной милез находились в пещере. Вся она – стены, пол, потолок – была украшена множеством светящихся ровным золотистым светом кристаллов. Некоторые из них выглядели крупными, с руку толщиной, не меньше, но большинство, пожалуй, размером с мой палец.

Меж кристаллами вилась тонкая дорожка, ведущая куда-то в глубь пещеры и, очевидно, выводящая в еще один коридор.

– Это есть на вашей карте, капрал? – осторожно поинтересовалась я.

Несмотря на то что произошло между нами ночью – или не произошло, – я так и не смогла заставить себя называть его по имени. Как, впрочем, не смогла подобрать слово, чтобы обозначить «это», – слишком уж необычными были кристаллы. Казалось, каждый из них живет своей жизнью: пульсирует крохотным огоньком, перемигиваясь с соседом, о чем-то шепчется, что-то желает сказать.

– Вроде бы да, – неуверенно протянул милез, даже не заглянув в бумагу.

Я шагнула вперед и уже протянула руку, собираясь потрогать кристаллик, когда меня остановили:

– Не стоит, госпожа де Шасвар.

По крайней мере, он меня тоже не называет Матильдой. Может, действительно ничего и не было?..

– Почему? Я просто хотела посмотреть.

– Не стоит, – вновь повторил капрал. – Мы не знаем, что это и чем может грозить.

– Но это же просто камни!

– И что с того?

Подобрать достойного ответа я не сумела, а капрал дожидаться его не стал: просто медленно направился по дорожке, петляющей меж кристаллов, к выходу.

Отшлифованные камни торчали со всех сторон, так что я каждую секунду задумывалась лишь о том, чтобы ничего не задеть и не сломать. Уже на пороге пещеры, когда капрал вновь шагнул в глубину лабиринта, я не выдержала, задержалась на мгновение и, воровато осмотревшись, отломала один маленький, тонкий кристаллик, растущий у самого выхода. На миг мне померещилось, что в глубине камня мелькнул и пропал облик какого-то существа, я попыталась взглянуть и понять, кого там увидела, но тут меня окликнул капрал. Поспешно спрятав кусочек хрусталя в карман, я поспешила за ним.

Уже через несколько минут свечение из пещеры скрылось за очередным то ли поворотом, то ли перекрестком, и единственным источником света стал хрустальный шар в руках капрала. И пусть господин Иассир нес его легко, как пушинку, но он же наверняка устал!

Я решила загладить свою вину, о которой полукровка еще не знал, и вежливо предложила:

– Капрал, а давайте я понесу светильник?

Он наотрез отказался. Но мне-то хотелось быть полезной!

– Капрал, вы же не можете тащить его постоянно. Давайте я вам помогу.

– Я справлюсь, все в порядке.

– Но, капрал, я ведь просто хочу вам помочь!

– Не надо, я сам. – В голосе милеза появились легкие неуверенные нотки – можно было и не заметить их. Но я, наученная общением с Шемьеном, легко их уловила. А где не уловила, там додумала.

– Но как же вы сами? Давайте я вам помогу.

– Но...

– Давайте-давайте! – Не дожидаясь ответа, я решительно выдернула шар из рук милеза.

– Осторожно! Он тяжёлый...

Предупреждать надо было раньше. Намного раньше. Еще когда я только предложила помощь.

Магический светильник, который с легкостью нес капрал, оказался неожиданно тяжелым и неудобным. Шар ненароком скользнул между ладоней... и, ударившись о каменный пол, разлетелся на осколки.

Нас накрыла темнота. Брызги разбитого шара угасали осыпавшимися звездочками. В наступившей тишине все явственней слышалось тяжелое дыхание капрала...

А я только и смогла жалобно протянуть:

– Я нечаянно! Честное слово...

После нескольких минут напряженного молчания я стала искренне пытаться придумать, что же делать, перебирая варианты:

– А если нам просто попытаться вернуться?.. А, ну да, лабиринт... Но у вас же должно быть огниво!.. Ах да, факел делать не из чего... А может, стоит просто...

– А может, вам стоит просто помолчать? – не выдержал капрал. – Госпожа кнесна, я, конечно, все могу понять, но вы только что лишили нас единственной возможности выйти из лабиринта.

– Я же сказала – я не специально!

– То есть я должен быть благодарен вам хотя бы за это?

– Хотите сказать, что вы ни при чем? Это вы завели нас в эти пещеры! Это из-за вас я брожу по каким-то подземельям и уже натерла ногу! Это вы заблудились в лабиринте и привели нас к каким-то кристаллам...

Тут я явственно вспомнила, как всего с час назад отломила один из вышеупомянутых кристаллов. А ведь они так хорошо светились. Оборвав речь на полуслове, я судорожно принялась рыться в карманах, разыскивая сувенирчик.

– Почему вы замолчали? – напряженно поинтересовался из темноты капрал.

Вот и пойми этих мужчин. Ругаешься – им не нравится. Не ругаешься – тоже возмущены.

– Сейчас...

Наконец пальцы нащупали тонкую палочку, и я осторожно потянула ее наверх. Кристалл зацепился за подкладку. Я дернула сильнее и, уже вытаскивая его наружу, с ужасом почувствовала, как светящийся камень разламывается прямо в ладонях. Крошечный кусочек хрусталя лишь вспыхнул на прощанье и потух, когда я извлекла его остатки...

Кажется, сейчас капрал окончательно поймет, что я круглая дура.

У меня так защипало в глазах, так защипало... Я хлюпнула носом и совершенно неприлично вытерлась рукавом, чувствуя, что еще секунда и я разревусь.

Во тьме полыхнули две желтые вспышки, а в следующий миг мокрый бархатный нос ткнулся мне в ладонь:

– Гр-р?

– Изюмчик?! – пораженно выдохнул капрал.

Только теперь, когда глаза начали привыкать к свечению из глаз диковинного зверя, я разглядела, что перед нами действительно находится Изюмчик. Сейчас, в лабиринте, мне почему-то показалось, что чудовище как-то изменилось в размерах, а иглы то ли поседели, то ли побледнели. Лишь глаза были такими же... Но почему он поменялся? Да и как он мог попасть сюда? Не бежал же за нами в самом деле?

Впрочем, капрала, очевидно, больше интересовало не то, как сюда попал странный зверь, а какую из этого можно извлечь выгоду.

– Изюмчик, родной, подойди чуть поближе, я карту посмотрю. – Голос офицера звучал так спокойно, словно он каждый день прогуливался по этим лабиринтам в кромешной тьме и периодически встречал здесь зверя.

Похоже, сегодня Изюмчик решил, что достаточно того, что он нас нашел. А может, просто не понял, о чем его попросили, – животное, что с него взять. Зубастое создание равнодушно грыкнуло и, развернувшись, направилось куда-то в паутину коридоров.

– Что это он?.. – озадаченно протянул Иассир. – Госпожа де Шасвар, вы куда?! – Офицер схватил меня за руку.

– За ним, не видите, что ли?

– Вообще-то я предполагал...

– Ваша карта и так завела нас невесть куда. А если Изюмчик как-то умудрился найти нас, то куда-нибудь точно выведет. Хотите, оставайтесь здесь. – Выдернув руку из крепкой хватки капрала, я шагнула вслед за животным.

Честно говоря, той уверенности, что звучала у меня в голосе, я не чувствовала: я так и не поняла, откуда здесь взялся ручной зверь Пемброука. И даже то, что я какое-то время провела с ним в одной постели (прости меня, Мать Рассвета!), особого спокойствия не придавало.

Да, честно признаюсь, я надеялась, что капрал пойдет за мной. Ну не может же он действительно остаться здесь один.

Изюмчик уверенно вел нас вперед. Свет, бьющий из его глаз, выхватывал то стены, испещренные загадочными письменами (остановиться бы, рассмотреть, так ведь отстану!), то пол, покрытый темными пятнами.

С каждым шагом, несмотря на присутствие рядом капрала, я чувствовала себя все неуютнее. Что-то странное было разлито в воздухе лабиринта. Мне мерещились тихие шепотки, откуда-то доносилось журчание невидимого ручья, звон таинственной капли (хотя капать

вроде нечему) то стихал, то вновь звенел под сводами пещер. Да еще вдали после очередного поворота показалось какое-то свечение.

– Он опять вывел нас к кристаллам, – мрачно проворчал капрал.

Мне оставалось только промолчать.

Господин Иассир оказался не прав. Лабиринт решил явить нам новое чудо: свечение исходило от небольшого серебристого озера, расположенного в центре очередной пещеры. По берегам его росли невысокие плакучие ивы с черной листвой, а чуть поодаль примостился небольшой домик из плохо отшлифованных булыжников. Именно к нему и направился Изюмчик.

Глава шестая

Айден

Я придержал за локоть радостно припустившую вперед кнесну:

– Не торопитесь, госпожа.

– Почему? Окошки же светятся!

– Вот именно поэтому, – буркнул я, задумчиво разглядывая приземистую избушку. Два полукруглых оконца, выходящие на сторону озера, призывно горели ровным желтым светом. Никакого движения внутри я не заметил, но это мало что меняет.

– Капрал, почему вы встали? – Моей неугомонной спутнице, судя по всему, сильно не терпелось вляпаться еще куда-нибудь. Мало нам приключений!

– Госпожа де Шасвар, – вздохнул я, – очень вас прошу, по стойте на месте хоть пару минут. И желательно молча.

– Но там же люди!

– Да? И откуда такая уверенность?

– А... но... – Она недоуменно наморщила лоб, передернула плечиками и независимо фыркнула: – Ой, ну и пожалуйста! Стою. Молчу. Довольны?

– В экстазе, – проронил я, окидывая внимательным взглядом пещеру.

Большая. Воздух чистый, свежий – стало быть, где-то неподалеку имеется выход на поверхность. Я вынул карту и, развернув ее рисунком к светящемуся озеру, прищурился. Да, пещерка обозначена. Только вот помечена красным размашистым крестом и второго выхода не имеет. Странно. Я провел пальцем по пергаменту:

– Так... Это тупик. Мы свернули не в тот проход. – Я недовольно покосился на девушку. – Если бы кое-кто не лез туда, куда не просят...

Она демонстративно отвернулась, делая вид, что разглядывает неровные стены. Ну конечно, это же я во всем виноват. Она, добрая душа, помочь хотела, а я, скотина неблагодарная... Тьфу.

– Ладно, – я свернул карту и спрятал ее за пазуху, – пошли за Изюмчиком. Выбора у нас нет, без огня мы отсюда далеко не уйдем.

Спутница вопросительно вздернула брови и не двинулась с места. Вы посмотрите, какие мы принципиальные! Я снова вздохнул:

– Госпожа де Шасвар, если я был резок, простите. Но если вы и дальше намерены брыкаться по пустякам, я отведу вас обратно в «Кротовью нору», и дело с концом. Будете перед Пемброуком ножкой топать и характер демонстрировать. Он, может, и стерпит. А у меня нет ни времени, ни желания носиться с вами как с писаной торбой. Понятно?

– Понятно, – еле слышно отозвалась кнесна.

Что-то воинственно бормоча себе под нос, она двинулась следом за мной. Не иначе как сетует на свою несчастную долю да на неотесанных вояк, не имеющих такта и снисхождения к женским слабостям. Вот дернула меня нелегкая согласиться взять ее с собой! И без того жизнь не сахар, только избалованной кнесовой дочке мне не хватало. Может, действительно разжиться в избушке факелом да спихнуть эту головную боль на милягу Пемброука?

Я вспомнил про единорога и едва удержался, чтобы не плюнуть от досады. Да, конечно, девственниц и в Фирбоуэне хватает, но... «Смиритесь, капрал Иассир, – с тоской подумал я. – В ближайшее время вам от этого зеленоглазого сокровища никак не избавиться».

«Сокровище», спотыкаясь о камни, сердито сопело мне в затылок, но стоически молчало. И то радость. Я выдернул из ножен клеймор:

– Не отставайте, госпожа.

Озеро приближалось. Круглое, гладкое, бросающее шелковистые серебряные отсветы на прибрежные камни. Из-за большого валуна вынырнула узкая дорожка, аккуратно мощенная красным кирпичом. Тропка была проложена по берегу озера и, изгибаясь жгутом, бежала вперед, к самому крыльцу одинокого домика. Изюмчика не было видно. Куда запропастился этот игольчатый обормот? И почему он вообще так странно себя ведет? Команде «посвети!», между прочим, я его сам обучил! Она у него от зубов отскакивает – от всех сорока. А тут на тебе, задом повернулся и в кусты. В пещеру, точнее. Очень подозрительную. Я вспомнил карту и большой красный крест на ней. Интересно, что бы это значило? М-да. Многовато вопросов... Я задумчиво коснулся острием клинка ветви плакучей ивы. И сбился с шага, вместо шелеста листвы услышав мелодичный тихий звон. Срезанный клеймором черный лист, тускло блеснув в полумраке пещеры, упал мне под ноги. Не мягко спланировал, как ему полагалось, а именно упал, чуть слышно брякнув о красный кирпич дорожки.

И разлетелся на мелкие кусочки.

– Замечательно, – проскрипел я, присаживаясь на корточки и разглядывая осколки.

– Что случилось, капрал?

– Понятия не имею. – Я натянул перчатку и поднял с земли то, что осталось от листика. Слюда? Или стекло? Ничем не пахнет, внешние края гладкие, узорчатые, даже с прожилками. Ни дать ни взять самый настоящий лист ивы, только неживой. – Сторонитесь деревьев, госпожа де Шасвар. Не знаю, что тут происходит, но местечко паршивое. Надо отсюда убираться.

Девушка, поглядев из-за моего плеча на черные осколки, поежилась:

– Кажется, я с вами согласна.

– Для разнообразия? – весело хмыкнул я.

Она нахмурилась было, но, поняв, что никто над ней не издевается, неуверенно улыбнулась в ответ:

– Вроде того. И простите за магический шар, офицер. Я правда не хотела.

– Знаю. – Я выбросил осколки в озеро и, сняв перчатку, протянул кнесне свободную руку. – Мир?

– Ага. – Девушка снова улыбнулась. И, переведя взгляд на спокойные серебряные воды, ойкнула: – Айден! Оно... они... тают?!

Меня назвали по имени? Ну надо же. Не могу сказать, что это неприятно. Так, стоп! Кто тает? Где? Я быстро обернулся туда, куда указывал дрожащий пальчик кнесны, и присвистнул:

– Ого! Хороша водичка.

– Если это вообще вода. – Моя спутница благоразумно попятилась от пологого берега.

Я раздумчиво кивнул – да уж. Осколки ивового листа не утонули, хотя в руке вполне себе ощущались, когда я их поднял. Они медленно колыхались на поверхности озера, постепенно расплываясь блестящими черными кляксами. Тают... Не знаю, я бы скорее сказал, что плавают!

– Уходим. Быстро. – Я с подозрением глянул на красный кирпич дороги. Деревья из камня, вода из непонятно чего, а вдруг и дорожка не так проста, как кажется?

– Но как же свет? – спросила девушка.

Я тихонько выругался – она права. Здесь, конечно, все вверх тормашками, но нас пока вроде не съели. А вот в темноте лабиринта мы точно сгинем, с Изюмчиком или без... Да, кстати. Где же этот паршивец? Пемброук мой друг, а он очень привязан к своему питомцу. И если сейчас этот питомец, который вечно тянет в пасть что ни попадя, налагается серебристой дряни...

– Изюмчик! – яростно зашипел я, с опаской косясь на желтые окна избушки. – Изюмчик, зараза! Иди сюда сейчас же, где тебя носит?

Само собой, на мой призыв никто не отозвался. Значит, игольчатый поганец нашел-таки чем поживиться. И хоть я тут весь изорись – пока не сожрет, не вернется... Я в сердцах сплюнул

себе под ноги (даже не удивившись, что плевок с тихим шипением испарился, едва коснувшись красного кирпича) и поудобнее перехватил клеймор. Выбора нет. Кто бы ни ждал нас там, за дверью, мне нужен Изюмчик. И факел.

В мой рукав знакомо вцепились тонкие пальчики:

– Идем?

– Идем.

Дом оказался совершенно пуст. Нет, я не про обстановку – ее-то как раз здесь хватало с избытком.

Потемневшая от времени жаровня в углу, широкий топчан, почти полностью скрытый кипой скомканных лоскутных одеял, на полу – звериные шкуры, между двух окон – высокий, под самый потолок, шкаф с книгами. Рядом со шкафом – грубо сколоченный табурет, у стены длинный стол, заваленный всяким хламом, а над ним – большой круглый шар, горящий ровным желтым светом. Такой же, как тот, что недавно нашел свой конец в лабиринте, но в два раза больше и другого цвета. К тому же намертво привинченный к полке – это я осознал, когда попытался его оттуда снять.

– Не вариант, – пропыхтел я, утирая пот со лба. – На совесть закреплен. Ладно. В жаровне, кажется, еще остались угли.

Сунув руку в карман, нащупал кремень с огнивом. Потом оценивающе оглядел табурет – отлично, ножка факела, считай, у нас имеется.

– Скорее, – прошептала моя спутница, нервно оглядываясь на дверь. Ей, как и мне, не терпелось поскорее покинуть это место.

Перевернув табуретку, я взялся за одну из ее толстых ножек. Приколочена так, что обзавидуешься, ну да ничего... Дерево жалобно захрустело. Есть! Теперь одолжим одно одеяльце на тряпки, и дело в шляпе. Довольно потирая руки, я пристроил отломанную ножку на край стола и подошел к топчану. Вот это, сверху, вроде рваненькое. Думаю, хозяин не сильно обидится.

– Гр-р-р!

– Изюмчик, – булькнул я, глядя на поднимающуюся из вороха одеял здоровенную бурочерную башку. – Изюмчик?

Мог бы не спрашивать – глаза уже ясно видели, что питомцем Пемброука тут даже не пахнет. Изюмчик был золотисто-песочного цвета и гораздо мельче этого, бурого... «Зато крупнее того, серого, – вдруг понял я, вспомнив зверя, что завел нас сюда. – Так их здесь, значит, двое? Замечательно». Стараясь не делать резких движений, я ногой подтянул к себе табурет. Клеймор – это, конечно, прекрасно, но зверь слишком близко для хорошего замаха. А так, глядишь, успею ему стулом пасть заткнуть хоть секунды на три, чтобы размахнуться...

Входная дверь глухо стукнулась о стену. Зашуршали костяные иглы. За моей спиной тихо ахнула Матильда.

Почему я так уверен, что лучше не оборачиваться?..

– Гр-р-р...

Я скосил глаза на вход и сжал кулаки. Нет, не двое. Трое! Один на топчане, второй – тот самый, серый, – пялится снаружи через стекло. А третий – серебристо-черный и здоровый, как шкаф, стоит на пороге, нагнув круглую башку и оскалив клыки. Откуда этот-то взялся, светлые боги? Нам и первых двух по самое не могу хватило бы!

Мне под бок метнулась тонкая фигурка в испачканном камзоле. Метнулась – и уткнулась носом в грудь, мелко дрожа от страха. Хорошо ей. Она эти морды не видит. А я стою как дурак с кнесной на шее, с табуреткой в левой руке и бесполезным клеймором – в правой... Ну, двух, может, и завалю. Хотя тоже не факт – тот, что на пороге, вдвое крупнее Изюмчика. А третий мне с удовольствием за товарищей отомстит.

Если будет кому мстить, конечно.

Я чуть пригнулся, насколько позволяла прилипшая ко мне сосновой иглой перепуганная госпожа де Шасвар, и перехватил табурет за поперечные планки. Щит, понятно, курам на смех, но другого нет. Клеймор качнулся вперед, целясь в оскаленную морду стоящего на пороге чудища. Второе, бурое, встопорщив все свои иглы, приподнялось над топчаном, готовое к прыжку. Свиристое рычание рванулось из двух бездонных пастей. Ну все, добегался, порубежник!

– Гр-р-р-р...

– Нам конец, да? – Зеленые глаза взглянули на меня снизу вверх из складок мундира.

Я хмыкнул:

– Там поглядим. Держитесь крепче, сейчас будет жарко... Ну что, зубастики? Голодные? А хрен вам в глотку, не дожидетесь!

Я отшатнулся к стене, задев бедром твердый угол стола. На пол со звоном и грохотом посыпались какие-то колбы, ступки, ящички... А, да и пусть их! Все равно сейчас тут будет шороху. Звери напряжились. Я стиснул в ладони рукоять клеймора.

– Гр-р-ры!

– Клубок! Шнурок! Вы что там позабыли?! – вдруг рявкнул по-фенийски чей-то голос снаружи.

Кнесна вздрогнула от неожиданности. Я выронил тяжелый табурет. А мордатые бестии, мигом заткнувшись, подхалимски прижали иглы и, задев боками мебель, дунули вон из дома.

– Вконец обнаглели! – ругался все тот же голос. – Кому было сказано – через порог ни ногой? Если хоть одну склянку грохнули – утоплю обоих, чтоб вам пусто было!.. Вон с глаз, сказал! И чтобы духу вашего больше тут не... Уп. Да у меня никак гости?

Ступеньки крыльца закрипели, и на пороге обозначился высокий мужчина в алом балахоне до пят. Руки его сжимали тяжелый узловатый посох с серебряным набалдашником. По широким плечам рассыпались длинные белые волосы, сливающиеся на лбу с такой же неестественно-белой кожей. А прозрачные как лед колкие глаза удивленно, но безо всякой настороженности разглядывали нас с Матильдой. Фений. Чистокровный. Какая прелесть... Я вымученно улыбнулся:

– Здравствуйте. Ваши зверушки? Славные.

– Я вижу, как они вам понравились, – проронил хозяин дома, мельком взглянув на мой обнаженный клеймор. И легко перешел на привычный мне унгарский язык: – Ну да ладно. Вы, собственно, кто такие, молодые люди?

– Мы... э-э...

– Ясно. – Мужчина вздохнул. Переступил через порог и, прикрыв дверь за спиной, добавил неодобрительно: – Обниматься-то прекращайте уже. Это не мое дело, конечно, но я как-то за традиционные отношения.

Ну вот, и этот туда же! Выберемся наверх, надо будет купить кое-кому нормальное женское платье... Скрипнув зубами, я наклонился к своей спутнице:

– Госпожа де Шасвар, от моей репутации и так уже одни лохмотья остались. Отпустите меня, пожалуйста.

– А эти?... Они тут?... – донеслось из складок моего мундира, куда дочь великого кнеса со страху зарылась по самые уши.

– Их прогнали. Все в порядке.

– Правда?

– Правда, госпожа, – сконфуженно ответил за меня хозяин дома, пробормотав еле слышно: – Тыфу ты, прости меня Великая Дару, а я уж себе вообразил... Приношу свои извинения, офицер, – сказал он уже громче. – А вы не волнуйтесь, госпожа, никто вас не обидит. Шнурок с Клубком – мирные ребята, это так... охранные инстинкты. Не бойтесь.

Он весело улыбнулся и отставил посох к стене.

– Я, кстати, тоже не кусаюсь. И люблю гостей. Располагайтесь, мой дом – ваш дом... Меня зовут Фелан. А вас?

На раскаленной решетке жаровни, шипя и истекая мясным соком, подрумянивались колбаски. Госпожа де Шасвар, несмотря на благородное воспитание и громкий титул, деловито крутилась у стола, с которого временно убрали весь хозяйский хлам. Я повел носом и сглотнул слюну – пахло аппетитно.

В дверь просительно поскреблись. Фелан, расставляющий на полке шкафа уцелевшие пузырьки и коробочки, топнул ногой:

– Кыш отсюда, подлецы! Чтоб я обоих до утра не видел даже! Вы сегодня провинившись... Капрал, будьте любезны, подайте мне вон ту книгу. Нет, в красном переплете, с золоченым корешком. Спасибо... Клубок, я кому сказал? Ты мне еще дверь поцарапай, бесовестный!

Снаружи долетел приглушенный скулеж, потом тяжелый вздох – и все стихло. Улыбнувшись, я вынул из кучи барахла нужную книгу и, сдув с нее голубоватую пыль, протянул мужчине. Поворошил остальные, беспорядочно разбросанные по полу... И выдернул самую нижнюю, черную. Что примечательно, на ее корешке не было ни одного слова.

Я посмотрел на обложку. Самодел. Кожа натянута кое-как, на уголках остатки клея, да и картинка так себе – две стрелы, грубо намалеванные золотой и серебряной краской. Высокохудожественно, ничего не скажешь. И названия нет. Я тишком скосил глаза на занятого своим делом хозяина дома и быстро перелистал книгу. И правда самодел: плотные пожелтевшие страницы были сверху донизу заполнены неровными строчками – то синими, то черными, то вообще болотно-зелеными, словно вместо чернил автор воспользовался травяным соком. Кое-где имелись даже вклеенные иллюстрации – то маленький храм, опутанный зеленым плющом от основания до купола, то обнявшаяся парочка, то женщина в узорчатой маске, то какой-то человек в балахоне с капюшоном, вздымающий в правой руке посох с навершием в форме змеиной головы... Текст книги остался для меня загадкой. Читать я умею, вы не подумайте, просто, кроме унгарского да агуанского (спасибо Арлете!), других языков не знаю. И даже несмотря на то, что я наполовину фений, язык предков моей матушки для меня – лес темный. Ну то есть речь кое-как понимаю, пару слов по-фенийски связать могу – нахватался на пограничье от ополченцев, но читать и писать – увы...

Увлечшись картинками, выполненными не без таланта, я пролистал книгу до самого конца и удивленно хмыкнул: добрая треть страниц осталась девственно чистой. Стало быть, труд не был закончен?... Я пожал плечами и вернулся к самому началу. Убористый текст, сбившийся столбиком в центре первой страницы, походил на стих. И написан он был совершенно иными рунами. Где-то я похожие видел!.. Обилие точек над круглыми буквами, невероятное количество завитушек и подчеркиваний... Да это же другой язык! Сдается мне, лаумейский. В отличие от остальных он хотя бы визуально мне знаком – Агги, наш полковой писарь и мой большой приятель, как раз наполовину лаум. Причем весьма образованный и тяготеющий к духовности. Невзирая на сложные отношения Унгарии и Фирбоуэна, труды лаумейских мудрецов у наших храмовников в большой чести. Как и переводчики. Так что писарь без работы не сидит – все свободное от службы время корпит над старинными текстами... И точки-заколючки что тут, что там – один в один. Только разве что почерк отличается. Я поднял взгляд от рун кверху страницы. Там, у самого края листа, были изображены все те же две стрелы. А под ними – три гравированных золотых овала. Мать Рассвета, Зеленый Отец и Вечный Змей у их ног... Знакомые штучки! Один такой, помнится, носит кнесна?..

– Господин офицер, – голос Фелана вернул меня к действительности, – вы меня слышите?

– А? – Я захлопнул книгу и поднял голову. – Простите, увлекся.

– Любите читать? – глядя на меня с каким-то странным прищуром, спросил хозяин и протянул руку.

Я вложил в нее черную книгу:

– Не особенно. Так, картинки занятные. Кто рисовал?

Он не ответил. Осторожно принял из моих рук потертый фолиант и поставил на полку. Вид у хозяина дома был несколько смущенный. Или встревоженный? Я легонько пожал плечами – подумаешь, книжка какая-то. Не магическая, иначе я бы ее даже открыть не смог... И отчего, спрашивается, тогда так переживать?

Я вспомнил изображение на первой странице и задумчиво почесал бровь. Три медальона. Один у Матильды, второй болтается среди монет в моем кошельке. Интересно, а куда подевался последний? И какое они все имеют отношение к черной книге, которую Фелан сейчас задвигает поглубже на полку? Еще и другими заставляет плотно, косясь в сторону жаровни. Бойтся, что упрям, что ли? Вот мне (и тем более дочери великого кнеса!) делать больше нечего, угу.

– Следующую книгу? – Я поднял голову. – Или вы сами? Я могу пока осколки собрать.

– Нет-нет, – быстро проговорил Фелан. Увидев мое удивление, с улыбкой пояснил: – Это может быть небезопасно. Мои колючие друзья перебили кучу склянок с волшебными порошками. Добрая половина из них не так безобидна, как кажется на первый взгляд... Это я сам приберу. А вы окажите любезность, верните ножку табурету. Иначе до верхней полки я просто не дотянусь!

Я вспомнил неудавшуюся заготовку для факела, стряхнул с рукава остатки мерцающей голубой пыли (которая от этого лишь глубже въелась в ткань) и взял в руки табуретку. Слава богам, хозяин дома не в курсе, кто на самом деле разнес его лабораторию. А то в дверь, сдается мне, скреблись бы сейчас не Клубок со Шнурком, а мы с Матильдой... И это в лучшем случае!

Зажав в зубах гвозди, а в руке молоток, я бросил взгляд в затылок Фелану. Маг, определенно. И маг сильный, раз настолько в себе уверен. Иначе бы к незнакомым людям вот так запросто спиной не поворачивался. Я покосился на магический светильник, прикинул его размеры и окончательно уверился в своих предположениях. Такую игрушку не купишь в лавке. Их на заказ делают. А судя по обстановке домика и простенькому балахону, наш новый знакомый в золоте не купается. Не потому ли на карте тот крест стоял, а? Змеи – ребята осторожные. И очевидно, что с обладателем пещерки уже сталкивались. Да уж, везет мне нынче на знакомства, как утопленнику!

Кнесна де Шасвар, закутавшись в три одеяла сразу, безмятежно посапывала на топчане. Яркий желтый свет магического шара Фелан уменьшил двумя легкими прикосновениями, чтобы не мешать гостю спать. Сейчас, должно быть, уже очень поздно, под землей не понять, но я тоже уже начал поклевывать носом... Мы с хозяином дома сидели у стола. Сдвинутые к стене миски с остатками недавнего пиршества (а еще говорят, что все благородные дамы – белоручки! Я так вкусно в жизни не ужинал) уступили место кувшину красного вина и двум деревянным кубкам. Вино Фелан достал из личных запасов. Хорошее, хоть и сладковато, на мой вкус.

– Не знаю, как вас благодарить, сударь. – Сделав глоток, я посмотрел на хозяина. – После того как мы ворвались к вам без приглашения и распугали ваших зверей...

– Этих, пожалуй, напугаешь! – весело хмыкнул маг, вновь наполняя свой кубок. – Разве что посохом по хребту, да и то ненадолго. Я гляжу, вы еще одного привели?

– Скорее это он нас привел. Мы на него в лабиринте наткнулись. А потом он, видно, собратьев учуял да сюда повернул.

– А вы пошли за ним, – задумчиво пробормотал Фелан. – Не испугались? Иглонос – не мышь полевая, обычно от них все шарахаются.

– Я спутал его с Изюмчиком. Это питомец моего друга... Знаете, там, в самом начале лабиринта, есть трактир «Кротовья нора»?

– Знаю. Захожу иногда. Изюмчик... Да, славный зубастик, хоть и невоспитанный. А друг ваш, вижу, тоже неробкого десятка!

– Трусливых квартиронов мне пока встречать не доводилось. – Я криво усмехнулся. – Внешность с детства характер закаляет, знаете ли.

– Ах, квартироны... – Маг с любопытством посмотрел на меня. – Так ваш приятель – один из трактирщиков? Ну да, ну да... Они к полукровкам куда как лояльней. И не глядите на меня волком, капрал Иассир. Пусть я и чистый фений, но эти предрассудки мне тоже не по сердцу!

– Заметно, – не сдержавшись, ляпнул я и обвел многозначительным взглядом неровные стены избушки.

Хозяин ничуть не обиделся:

– Мое жилище мне вполне по душе. А что до ваших намеков... Ну да, наверху мне не рады. И что с того? – Он прищурился и бросил надменно: – Я не золотой гривенник, чтобы всем нравиться!

– Ссылка? – понимающе вздохнул я.

– Она самая, – в тон мне вздохнул поникший маг. – Двусторонняя. Ни на родину, ни к соседям мне ходу нет... А если по совести – не больно-то и хотелось.

Он машинально поворошил алеющие в жаровне угли и пробормотал, глядя куда-то сквозь меня:

– Какая разница? Все равно лет через триста все до единого выролятся...

– Вы о чем?

– А?... – Он вскинул голову и, словно взяв себя в руки, сменил тему: – Со мной мы разобрались, господин офицер. А что насчет вас? Лабиринт – то еще местечко, уж поверьте старожилу. И лазать здесь из праздного любопытства охотников мало.

– Мне нужно попасть в Фирбоуэн, – не стал скрывать я. – А обычным манером через границу меня не пропустят. Пришлось искать обходные пути. Что же касается моей спутницы... Ну, можно сказать, мы с ней в некотором роде собратья по несчастью.

– Гхм... понятно, – вежливо кивнул Фелан, хотя явно мало что понял. – А что вам понадобилось в Фирбоуэне? Служба?

– И она тоже. Точнее, ее возможное будущее отсутствие. – Я махнул рукой: – Не хочу нагружать вас своими проблемами. Это как минимум неудобно, учитывая ваше гостеприимство. Еще раз благодарю за теплый прием и ночлег. Обещаю, как только наступит утро, мы избавим вас от своего присутствия... М-да. Знать бы только, когда оно наступит?

– Часов через пять, – улыбнулся маг. – Вы ложитесь вон на плед у топчана, отдохните. До выхода наверх путь неблизкий, силы вам еще понадобятся. А утром я вас разбужу.

– Спасибо. – Улегшись на расстеленный плед, я подложил под голову ботинки госпожи де Шасвар. – Давно вы здесь, как я погляжу... Так точно время под землей определять.

– За четверть века насобачился, – через плечо бросил маг, сгружая грязную посуду в большой таз.

Я вытаращил глаза:

– Так вы что, полжизни тут сидите, что ли?!

– Нет, конечно. – Губы мужчины тронула снисходительная улыбка. – Я же маг, капрал. И на свои шестьдесят буду выглядеть только лет через сто... Вы спите, спите. Дверь я запер, звери не пролезут.

– А вы где ляжете? – запоздало устыдился я. – Простите, мы ведь даже не подумали...

– Глупости, – отмахнулся хозяин дома, потянув за длинную веревку, что свисала сверху. В потолке со скрипом открылся большой квадратный люк. – На чердаке достаточно места. Отдыхайте!

Я раскрыл было рот, чтобы еще раз извиниться, но и слова сказать не успел – маг легко подпрыгнул вверх, уцепился левой рукой за край люка и с ловкостью белки шмыгнул в темный провал чердака. Ну ничего себе! Сколько, он сказал, ему лет?.. Шестьдесят?

Люк захлопнулся. Я покачал головой и заерзал на колючем пледе, устраиваясь поудобнее. Не родная койка, конечно, но сойдет... Бывало и хуже! Тут, по крайней мере, ветра нет, крыша над головой и тепло. Только от рукава, слабо мерцающего в темноте лазурными искорками, тянет какой-то едкой дрянью. Что я за склянку кокнул, интересно? Что в ней было? Надеюсь, не какая-нибудь отравка... Надо будет мундир постирать, как случай выдастся. С магическими порошками шутки плохи.

Ботинки под головой оказались жесткими, пыльными и отчего-то пахли фиалками. Я покосился снизу вверх на топчан и улыбнулся. Спит как сурок... Стащить у нее одно одеяло, что ли? По полу сквозит.

Я уже протянул было руку, но передумал. Перебьюсь как-нибудь. Мне не привыкать, а она такая хрупкая. Тепличный цветочек, самый что ни на есть. Еще замерзнет, утирай ей сопли потом до самого Фирбоуэна! Вдохнув, я повертелся с боку на бок и наконец откинулся на спину. Взгляд, блуждающий по стенам избушки, наткнулся на книжную полку. Перед глазами снова встали желтая страница, исписанная змеистым мелким почерком, и изображение трех медальонов. Совпадение? Возможно.

Задумчиво нахмутив брови, я нырнул рукой в кошель. Нашупав пальцами тонкую цепочку, потянул ее на себя. В тусклом свете магического шара золотым овалом блеснула плашка медальона.

Сверху посыпались крупинки песка, глухо закашлялся маг. М-да, скачет он, конечно, как молодой, но возраст свое берет... Или сырость пещерная? Тоже не курорт, знаете ли.

Пожав плечами, я снова взглянул на медальон. Мать Рассвета, Зеленый Отец и Вечный Змей у их ног. И еще один Змей – с изнанки. Светлые боги и чужая безделушка, невесть как оказавшаяся в Мертвом Эгесе. Я вспомнил удивительно хорошо сохранившуюся комнату и нахмурился. Этого просто не могло быть! Все вокруг выжжено дотла, а тут, понимаете ли, даже пыль на столе собраться не успела?.. И эта комната, и даже богли – подобные «сюрпризы» на пограничье не новость, но та обветшалая хибара не являлась храмом Вечному Змею! И мародерам в ней опасаться было нечего! Так почему же кулон до нас никто не стащил?..

Нет, у меня голова скоро напополам лопнет от всех этих загадок. Завтра. Все завтра, а теперь – спать!.. Я потряс головой и зевнул. Глаза начали слипаться.

– Завтра, – повторил я уже заплетающимся языком.

Машинально нацепив амулет на шею, сонно смежил веки. На какое-то мгновение показалось, что щели в потолке окрасились дрожащим желтым светом. Будто на чердаке кто-то зажег свечу. Фелан?.. Что ему не спится? Или просто магический шар на полке обманывает уставшие глаза своими бликами?.. А глаза закрываются совсем... Спать, спать, спа-а-ать...

По серебристой глади озера шла легкая рябь. Как от ветра, хотя никакого ветра под землей нет и быть не может. Фелан чуть сдвинул брови, ловко перепрыгнул с дорожки на большой прибрежный валун и опустил кончик посоха в воду. По жидкому серебру пошли круги. Маг присел на корточки и, вглядевшись в озерные глубины, покачал головой. Что он там увидел, интересно?.. Я с любопытством вытянул шею, но совершенно ничего не разглядел: мы с кне-сной стояли поодаль, на дорожке. К подозрительному водоему ближе чем на пятнадцать футов ни я, ни она подходить не рискнули.

– Не выпались? – посочувствовал я, глядя на слипающиеся глаза кнесны.

Она кивнула:

– Всю ночь кошмары снились. А вы?..

– Замерз как собака. И ботинки у вас жесткие, шея затекла. – Я покосился на что-то бормочущего себе под нос мага и тихо спросил: – Госпожа де Шасвар, вы знаете лаумейский язык?

– Да, – пожала плечами девушка. – И фенийский, и агуанский, и язык мисов немножко... Папа считал, для кнесны это обязательно. А что?

– Да так. – Я обернулся на избушку, отметил, что игольчатые охранники резвятся по ту сторону озера и, решившись, еще сильнее понизил голос: – Я вчера нашел кое-что любопытное. Там, у Фелана. Судя по его реакции, во второй раз он мне это «кое-что» даже потрогать не даст...

– Капрал Иассир! – Матильда округлила глаза. – Вы что же, хотите отплатить кражей за гостеприимство?

– Тсс! – зашипел я, прижав палец к губам. – Может, я и не прав, но только сдастся мне, что оно нам с вами пригодится больше. И почему сразу «кража»?.. На обратном пути вернем... И извинимся!

– Но так же нельзя, – прошептала добродетельная дочь великого кнеса. – Это незаконно и... что, если маг вас на воровстве за руку поймает? Вы видели, как он вчера огонь в жаровне зажег одним плевком?

Умница. Зрит в корень! Я ухмыльнулся и, склонившись к ее уху, пояснил:

– А для этого у меня есть вы. Тсс! Говорю же – все верну. Отвлеките Фелана минут на пять, мне этого за глаза и за уши... Тьфу ты. Возвращается. Надо было ночью спереть, пока возможность имелаась!

– Капрал, – кнесна задумчиво посмотрела в сторону приближающегося мага, – а что вы такое там нашли?

– Книгу. С изображением небезызвестных вам медальонов. И с пояснениями к оным... На лаумейском языке.

– О?... – Девушка приоткрыла ротик. Потом слегка нахмурилась, будто что-то вспомнив, и решительно кивнула: – Сейчас я что-нибудь... Ах, капрал, как же тут холодно!

Эти слова кнесна произнесла в полный голос, подняв на меня взор несчастной сиротки из эгесской ночлежки для малоимущих. Я удивленно моргнул – холодно? Здесь? Пещера Фелана, разумеется, не солнечный берег, но... Тьфу ты, что ж я туплю-то так не по-божески?

– Потерпите, госпожа. – Я бросил извиняющийся взгляд на подошедшего мага: – Чувствительная! И здоровье хрупкое... А у вас тут сыро.

Матильда, правильно истолковав мое бессовестное вранье, звонко чихнула и хлюпнула носом.

– Как же мы плащи-то дома забыли? – жалобно пискнула она. И смущенно посмотрела на Фелана: – Простите, сударь. Мы, наверное, пойдем... Вы ведь сказали, что до выхода еще далеко?

– Порядком. – Хозяин пещеры обеспокоенно взирал на прямо-таки синеющую на глазах кнесну де Шасвар. – Вы не приболели, госпожа?

– Ничего, все в порядке. – Девушка снова хлюпнула носом и чихнула. – Я потерплю.

Ну актриса! Я едва не заплодировал. А маг, который даже в шестьдесят все-таки оставался мужчиной, не лишенным сострадания, коротко качнул головой:

– Нет, это не дело. Плащ я вам дам. Не обеднею.

– Ну что вы! – хором возмутились коварные мы.

– Это неудобно... – вздохнула кнесна. – Вы и так столько для нас сделали!

– Глупости, – отрезал маг, стряхивая с посоха липкие серебристые капли. – Обождите минутку, я схожу.

Кнесна предупредительно закашлялась. Понял, не дурак... Я протестующе поднял руку: – Сударь, мне, право, уже совсем неловко! Явились незваные, припасы ваши подъели, на чердаке спать заставили – еще и гоняем теперь туда-сюда... Кроме того, думаю, госпожа вполне обойдется одеялом! Все равно мы от него вчера кусок для обмотки факела оторвали. Нет-нет, стойте! Я сам сбегаю.

– Но...

– Апчхи!.. – Матильда, снова хлюпнув носом, беспомощно повисла на руке растерянного мага. – Мать Рассвета, как же мне совестно... А-апчхи! Сударь, у вас платочка не найдется?

Я успокаивающе кивнул хозяину – мол, уж потерпите пару минуток! – и, развернувшись, припустил по дорожке. Одеяло я, само собой, возьму. Все равно пригодится. Ну кнесна, ну талант! Даже я чуть было не поверил, что она вот-вот с простудой сляжет! И чихает так натурально... Я на бегу обернулся в сторону озера. Фелан, уткнув посох в каменистую землю, торопливо шарил в пояском кармане – видимо, искал платок. Госпожа де Шасвар, кашляя, словно чахоточная, благодарно хлюпала носом... Да уж. Не будь моя спутница таких кровей – ей бы прямая дорога на сцену!..

Проскользнув в приоткрытую дверь, я быстро сгреб в охапку валяющееся у топчана рваное одеяло. И, перекинув его через плечо, шагнул к шкафу. Так. Кажется, эта полка. Перепрятать книгу у хозяина времени не было... Что же он над ней так трясется-то?

– Ладно, – пробормотал я, скользя взглядом по пестрым фолиантам, – с этим мы после разберемся...

Загадочная книга, которую наш новый знакомый вчера буквально вырвал у меня из рук и засунул поглубже, нашлась с третьей попытки и легла в ладони. Я с сомнением взвесил ее в руках и тяжело вздохнул – жаль, всю с собой не возьмешь. Приметная вещица: если в котомку сунуть – выпирать со всех боков будет, Фелан непременно заметит. И в одеяло завернуть не получится – его же придется прямо сейчас на Матильду набросить, чтобы «до смерти не замерзла». Я с опаской оглянулся на дверь избушки, прислушался к радостным взрыкиваниям снаружи и раскрыл книгу. Две стрелы и три медальона... Уф. Ну ничего, боги простят! К тому же вором меня уже на весь Эгес ославили, что терять-то?

Я взялся за желтую кромку листа и недрогнувшей рукой выдрал с мясом первую страницу, на лаумейском. Слава богам, отец госпожи де Шасвар в свое время озаботился ее образованием куда больше, чем генерал Ференци – моим собственным.

Сложенная вчетверо страница тихо улеглась во внутренний карман мундира. Кожаный том вернулся на полку. Лоскутное одеяло перекочевало с плеча в руки. Ну что ж, теперь всяко не до сожалений! Я покаянно вздохнул, нацепил на физиономию выражение благодарного смущения и шагнул обратно на красный кирпич дорожки.

Глава седьмая

Матильда

Меня мучила совесть. Я жалобно хлюпала носом, делала вид, что кашляю, мило улыбалась фению, а сама в этот миг пыталась сообразить, успеет ли капрал найти неизвестную книгу прежде, чем маг догадается, что это все ложь. Или, того хуже, вспомнит, что его стихия – пламя (судя по тому, что он показывал в хижине), и решит меня подлечить каким-нибудь факельным заклинанием. У колдунов это быстро. Простыл? Огненная магия тебя сразу обогреет! А то, что при этом кого-нибудь, например того же исцеляемого, может ощутимо обжечь... Ну никто и не обещал вам, что все будет хорошо!

К счастью, уже через пару минут я услышала шум шагов капрала. Я напоследок хлюпнула носом и выдавила улыбку, фальшивую, как мне показалось, до последнего зуба. К счастью, говорить сейчас ничего не понадобилось: офицер накинул на плечи позаимствованное у Фелана одеяло и принялся бережно укутывать.

А мне так спокойно стало... Так уютно... Я даже на миг забыла, что это все игра, что он обо мне совершенно не беспокоится и изображает заботу, только чтобы заполучить книгу на лаумейском. Хотелось стоять, чувствуя на своих плечах надежные мужские руки, и ни о чем не думать.

Так, Матильда, ты серьезная замужняя дама! Проигранная, правда, в карты неизвестно кому, но сути это не меняет. В храме Великого Змея тебя еще не развели, в храме Матери Рассвета заново не обвенчали, так что прекращаем думать неизвестно о чем и занимаемся делом!

– Спасибо, капрал. – Кажется, получилось, чуть суше, чем я хотела, но менять что-либо было поздно: я выпуталась из его рук и, отступив на шаг, поплотнее запахнулась в одеяло.

А вот Иассир, кажется, принял мою интонацию на свой счет: видимо, решил, что это из-за кражи книги. Уголок рта чуть дернулся, но милез ничего не сказал. Чуть склонил голову – то ли кивнул, то ли поклонился – и тоже отступил на шаг.

– Всегда пожалуйста, госпожа.

И ведь не объяснишь, что он тут ни при чем! Что это все мои дурные мысли!

К счастью, маг не заметил той маленькой размолвки, что вышла между нами. Протягивая мне найденный наконец платок, он участливо вздохнул:

– Как же так, госпожа? Здесь как будто бы не сквозит.

Я чувствовала себя последней мерзавкой. Взяла платок, сделала вид, что сморкаюсь, и жалобно протянула:

– Я просто не привыкла к переходам.

– Понимаю, – вздохнул фений. – Дорога порой может быть очень сложной.

– Все в порядке, господин Фелан, не беспокойтесь, я справлюсь.

С языка чуть не сорвалось «к тому же со мной рядом капрал Иассир», но я успела проглотить ненужные слова.

– Платок оставьте себе. – Маг перехватил мою руку в воздухе. – Кстати, забыл спросить, что с иглоносом будете делать? – легко поменял он тему.

– С кем? – не поняла я.

А у капрала вытянулось лицо:

– В смысле?

Отвечать магу не пришлось: мне в поясницу ткнулся мягкий нос. Как огромный зверь умудрился проскользнуть сюда так, чтобы его никто не заметил, осталось загадкой. А еще через мгновение покрытое иглами чудище ласково толкнуло меня в бок мордой – я еле на ногах удержалась. Вспомнив, как его приятели скалили зубы в хижине мага, я слегка отошла в сто-

ронку. Не тут-то было: зверь, радостно взрыкнув и прижав иглы к телу, вновь толкнул меня – на этот раз ради разнообразия боком.

– С ним, – хмыкнул маг. – Мне, если что, Клубка со Шнурком хватает.

– Мы не пытались его приручить, – начала оправдываться я, судорожно отталкивая от себя мягкий нос, норовящий ткнуться в ладонь. Почему-то сейчас, под чуть насмешливым взглядом мага, мне стало неудобно. Да еще и одеяло, накинутое на плечи заботливым капралом, все время норовило сползти на землю.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся хозяин избушки, но почему он не сомневается, так и не сказал.

И отчего мне кажется, что он знает об этих существах гораздо больше, чем говорит?

– Что же делать?

Фений на миг задумался, а потом пожал плечами:

– Я могу какое-то время его поддержать, чтобы не увязался за вами.

– А он не обидится? – осторожно протянула я. Честно говоря, сама не понимаю до конца, что говорю. Это, конечно, дикий зверь, но ведь он привел нас сюда, не кидался, съесть не пытался.

Зверь как будто понял, что речь идет о нем: ласково всхрапнул и хрюкнул.

– Он к вам привязался, но хозяевами пока не считает, – мотнул головой колдун. – Просто не кинется, если увидит вас снова.

Нет, этот тип точно о чем-то умалчивает!

Знать бы только, с чего этот конкретный иглонос привязался именно к нам. Мало, что ли, путешественников по этим лабиринтам ходит? Или они все были слишком вкусными и на роль хозяев не подходили?

– Наверное, так и сделаем, – вздохнул капрал. – Будем вам очень благодарны, если поддержите у себя. – Очевидно, ему было жаль оставлять внезапно появившегося питомца, но я, например, с трудом представляю себя с иглоносом на поводке.

Ой, а я и забыла, что должна сейчас кашлять и чихать... Надеюсь, никто ничего не заметил?

Похоже, нет. По крайней мере, Фелан признаков удивления не выказывал.

Кстати, неудобно как-то получается. Он явно не из простых, а я к нему хоть и на «вы» обращаюсь, но просто по имени. Но если колдуна это и задевало, то виду он не подавал. Кивнув в ответ на слова капрала, Фелан сорвал с дерева черный лист, чуть выгнул его лодочкой и зачерпнул серебряную воду из озера. Сложил ладони, спрятав в них листок, и поднес руки к самому лицу. Шепнув несколько слов, маг раскрыл руки... Между его пальцами повис, не касаясь кожи, крошечный серовато-черный светящийся шарик:

– Он выведет вас из лабиринта.

Совість начала грызть меня еще сильнее.

А беловолосый мужчина убрал руки, а затем легонько щелкнул ногтем по все еще висевшему в воздухе шарiku:

– Желаю удачи. И пусть Великая Дару будет к вам благосклонна.

– Спасибо, – хлюпнула я носом, вспомнив, что надо изображать из себя простывшую.

– Об иглоносе не беспокойтесь. Я о нем позабочусь.

Капрал хотел спросить что-то еще, но то ли застеснялся, то ли передумал. Кивнул и тихо обронил:

– Спасибо. Вы идете, госпожа? – Не дожидаясь моего ответа, он направился к выходу из пещеры вслед за полетевшим вперед шариком, выпущенным Феланом.

Путаясь в одеяле, я уже шагнула за Иассиром, когда маг перехватил меня за локоток:

– Две минуты, госпожа.

– А... – Я бросила беспомощный взгляд на почти дошедшего до выхода господина Иассира, который даже не заметил, что я отстала.

– Мне надо сказать вам всего пару слов, – улынулся фений. – Думаю, доблестный капрал простит, если я чуть-чуть вас задержу.

Странно. Всю ночь шептался с капралом – я, как ни притворялась, будто сплю, так и не смогла расслышать ни единого слова из их разговора, – а сейчас хочет что-то мне сказать.

– Я вас слушаю.

Маг улыбнулся и, легко взмахнув рукой, выудил из воздуха какой-то сложенный вчетверо лист бумаги. Развернул, пробежал глазами и, удовлетворенно хмыкнув, спрятал за пазуху. Потом легонько подул, и на его ладони заплясал язычок пламени. Но стоило огоньку потухнуть, как на его месте очутилась небольшая, листов двенадцать, плохо сшитая тетрадь. Фений некоторое время задумчиво изучал получившееся.

– Кажется, навыки растерял, что-то многовато вышло. – Он пролистал страницы, словно впервые видел их (а может, так и было?). – А это как сюда попало? Ладно, сойдет... Это вам на память.

Я приняла из рук колдуна тетрадь, перевернула обложку и разглядела на первой странице три небрежно нарисованных овальных медальона. А чуть ниже – стих на лаумейском.

Но ведь капрал говорил, что видел такое же...

– Это избранное, – хмыкнул маг в ответ на мой немой вопрос. – А капралу передайте, что воровать нехорошо.

– Но как же... – Я даже слов правильных подобрать не могла.

Капрал Иассир говорил, что беловолосый фений и посмотреть ему не даст, а тот просто дарит мне... Если, конечно, это «избранное» – из той самой книги, что смотрел милез.

Фелан ухмыльнулся:

– Каждый труд должен вознаграждаться. А вы так вдохновенно играли простуду.

Если бы от стыда можно было провалиться сквозь землю, меня бы не остановило даже то, что я уже под землей.

– Да и капрал Иассир вчера ею заинтересовался. В этих выписках нет ничего опасного. В отличие от остальной книги.

– Спасибо вам, – только и смогла выдавить я, бережно сворачивая тетрадь и пряча ее в поясной карман.

– Идите, госпожа, а то капрал вас уже заждался, – мягко улыбнулся огненный колдун. – И пусть вам сопутствует Великая Дару.

Уже на выходе из пещеры я оглянулась. Маг все так же стоял на берегу серебряного озера, опираясь на посох. А у ног его лежал, провожая нас тоскливым взглядом, оставшийся безымянным иглонос.

Одеяло я отдала капралу, едва мы завернули в коридор: он его присвоил, пусть теперь и несет. Впрочем, особо заморачиваться милез не стал: попросту спрятал подарок в сумку и забыл о нем. А о разговоре с Феланом все-таки вспомнил:

– Что он хотел, госпожа?

– Потом расскажу, – отмахнулась я.

Крошечный шарик, парящий в воздухе примерно на высоте моих глаз, давал света больше, чем разбитый подарок Дуна. Да и в запутанных переходах лабиринта это творение Фелана разбиралось намного лучше капрала с его картой. Уже часов через пять, когда мы в очередной раз остановились, дабы Иассир сверился со своим планом, мой спутник, посетовав, что под землей идти гораздо дольше, чем поверху, – тут ведь коридоры запутанные, – констатировал, что, очевидно, мы уже скоро выберемся на поверхность. Как он ориентируется, поня-

тия не имею. По мне, так все пещеры одинаковые, одну от другой не отличишь. Кроме той, разве что, в которой жил Фелан.

К моему удивлению, милез оказался прав: из-за поворота скоро показался бледный свет. Я поспешила вперед, но в следующее мгновение была остановлена железной рукой капрала.

– Ну что на этот раз? – укоризненно протянула я, останавливаясь.

– Мы не знаем, куда выйдем.

– И что с того? В пещере вы меня тоже останавливали. В итоге нас чуть не съели иглоносы. А если бы мы пошли спокойно, напрямик, а не скрывались, будто воры, ничего бы не случилось.

– Вы не знаете, как бы вас тогда встретил маг, – вздохнул милез. – Не стоит так спешить.

Словно в подтверждение его слов, магический шарик на миг завис без движения, а потом с тихим звоном упал на пол, потускнев и перестав светить.

– Вот видите, – с упреком сказал капрал, подбирая испортившийся подарок и пряча его в карман – вдруг пригодится. – Спешить не надо.

– А может, он нас просто вывел, поэтому и потух.

– Вот это мы сейчас и проверим. – Вытащив из-за спины клеймор, капрал осторожно направился вперед.

За поворотом нас ждал тупик. Редкие лучи света пробивались сквозь грубую каменную кладку, перекрывавшую проход, и оттуда же, снаружи, слышались непонятный шелест и всхрапывания. Иассир, не пряча клинка, приблизился к стене, опасливо заглянул в щель и, тихо выругавшись, отпрянул.

– Что там, капрал? – шепотом поинтересовалась я. Его тревога передалась и мне.

– Посмотрите сами, – зло буркнул мой спутник.

Я встала рядом с ним и прильнула к глазку: даже на цыпочки пришлось приподняться. За грубо сложенной стеной виднелась очередная пещера. Лучи света пробивались сквозь ветви, загораживающие выход, а на земле лежало, вытянувшись в струнку и смежив веки, странное существо: одна голова львиная, вторая – козья, а хвост оканчивался плоской змеиной головкой. Изредка чудовище приоткрывало рты и начинало чуть слышно бормотать. Львиный рык смешивался с козьим блеянием и змеиным шипением, и вся эта какофония гулко разносилась под сводами логова. Неприятное создание спало или делало вид, но все равно от одного взгляда на него становилось страшно.

– Кто это? – спросила я у капрала, не надеясь, впрочем, услышать ответ.

Тот сплюнул себе под ноги:

– Химера.

Я честно попыталась вспомнить, говорит ли мне что-то это слово, но в голову ничего не пришло, а потому благоразумно промолчала. Покосилась на капрала и наткнулась на его вопросительный взгляд. И чего он от меня ждет?

– Я так понимаю, – предположила я, – мне следует, как в дурном романе, заявить, что они уже все вымерли, вы мне скажете, что не все, и на этом мы успокоимся. Давайте посчитаем, что все необходимые ритуалы мы уже выполнили?

Кажется, капрал ждал чего-то иного. Но он справился со своими чувствами, какими бы они ни были, и ничего не сказал.

– Она очень опасна? – уточнила я.

– А разве по ней это не заметно?

– И что теперь делать?

Милез на миг задумался.

– Вариантов в принципе два. Можно попытаться разобрать стену и выбраться, пока она спит, но если химера проснется, придется туго. А можно просто подождать, пока она пробудится и уйдет поохотиться.

– Вариант вернуться в лабиринт вы, конечно, не рассматриваете, – хмыкнула я.

Капрал только плечами пожал:

– Фонарик Фелана уже не работает, я с трудом представляю, из чего можно сейчас здесь сделать факел, а без освещения мы не сможем пробраться.

– А может, этого магического светлячка надо просто потрусить – и он опять заработает?

– Попробуйте, – предложил полукровка. – Можете даже на него подуть.

Естественно, у меня ничего не получилось. Шарик как был мертвенно-черным, так таким и остался.

– Значит, остается ждать, – вздохнула я. – Рисковать и надеяться, что она не проснется, мне не хочется.

– Главное, чтобы она нас не учуяла, когда продерет глаза и решит отсюда уйти.

Я так и замерла. Подобная мысль мне в голову не приходила.

– А... Она способна?

– Уж будьте в этом уверены! – В голосе полукровки проскользнули нотки гордости. Можно подумать, он сам эту химеру кормил, поил, растил и дрессировал.

Вот за кого он сейчас больше беспокоится, а? За нас или за это чудовище?

– То есть...

– Надо идти сейчас, – кивнул капрал.

Кладку, перегораживающую выход, милез разбирал сам. Осторожно отодвигал крупные, ничем не скрепленные камни, стараясь ничем не стукнуть, и с тихой незлобивой руганью ловил выкатывающиеся булыжники. Судя по тому, как споро работал милез, опыт в подобных делах у него есть. Интересно: откуда?

Минут через двадцать высоко, у самого потолка, образовалось небольшое окошечко, через которое при некотором желании могли бы проползти мы оба.

Первым в логово химеры проник капрал. Спрыгнул на землю и протянул мне руки, помогая спуститься. Я, окончательно наплевав на все правила приличия, потянулась к нему, иначе бы просто не выбралась. И просто выпала из этого самого окошечка ему на руки.

Разумеется, зашумев при этом и разбудив химеру.

Если бы в данный момент поблизости оказался какой-нибудь придворный художник, он наверняка рискнул бы запечатлеть эпическую картину, несмотря на опасность быть съеденным. Итак. Собранная для нас Дуном сумка – на земле. Капрал с мечом за плечами – у полуразобранного завала. Я, растрепанная и перепуганная, – у капрала на руках.

И проснувшаяся химера, вскочившая с пола и хлещущая себя по бокам хвостом со змеиной головой.

На пол меня уронили очень чувствительно, даже не позаботившись о том, не ушибусь ли я.

Правда, сразу после этого капрал шагнул вперед и, выхватив клеймор, заслонил меня собой. Мать Рассвета...

Вскочив и выглянув из-за спины капрала, я увидела, как химера, ощерившись львиной головой, шагнула к нам. Из козьей пасти вырвался небольшой язык пламени. Еще один шаг, мягкий, скользящий... А в следующий миг она прыгнула на Иассира.

Кажется, я завизжала.

Не помню, как все происходило, но в следующее мгновение что-то оттолкнуло меня в одну сторону, капрала – в другую, а когда я, протерев глаза, наконец пригляделась, то увидела, что по полу пещеры, сцепившись в один огромный шар, катаются, рыча, бляя, шипя и скуля, химера и иглонос... Тот самый, безымянный и неприрученный.

Солнечные лучи пробивались через листву. Лабиринт вывел нас в какую-то дубраву, а у самых моих ног виднелся вход в логово химеры. Чуть прикрытый корнями вывороченного дерева, сейчас он и не напоминал о том, какая опасность таилась в его глубине.

Капрал сидел, опершись спиной о молоденький дубок, и флегматично смотрел в небо: кажется, ему надо было собраться с мыслями. У моих ног лежал, положив голову мне на колени и прикрыв мощной лапой исцарапанную и обожженную морду, иглонос. Изредка страшный зверь вздыхал, поднимал на меня счастливые глаза и вновь замирал.

Он ворвался в пещеру, выбив телом не до конца разобранный капралом стену. Сшибся с химерой и, не обращая внимания ни на огонь, выплевываемый козьей головой, ни на укусы змеи, ни на удары когтистых лап, придушил чудовище, как кошку.

– И что теперь будем делать? – флегматично спросил капрал, наконец сводя взгляд с небес на землю.

– Что вы имеете в виду? – не поняла я.

Иглонос хрюкнул, сладко потянулся и, решив показать, какой он весь положительный и нужный, бойко направился к логову химеры и скрылся в нем. Ну и что он там забыл?

Иассир вздохнул:

– Иглоноса, естественно. Я не знаю, почему он так привязался к вам, но не уверен, что местные жители положительно воспримут такую ручную зверушку. Как минимум вам очень долго придется объяснять, что он домашний и безопасный. Для начала убедите в этом себя.

Ответить я не успела. Прежде всего потому, что не находила слов, а уже после этого – потому что мне помешали. В кустах рядом с милезом что-то зашуршало, и из зелени выглянула лохматая мужская голова. В волосах неизвестного запутались веточки, а на щеке красовалась свежая ссадина.

– Вы что здесь делаете? – зло зашипел пришелец на агуанском. – Уходите немедленно!

– Извините? – непонимающе прищурился капрал, нащупывая рукоять меча.

Незнакомец огляделся по сторонам, не увидел никого, кроме нас двоих, и торопливо зашептал:

– Мы охотимся за химерой. Где-то здесь поблизости ее логово.

– За этой, что ли? – Милез равнодушно мотнул головой в сторону выхода из пещеры, из которой иглонос, радостно скалясь во всю пасть, как раз вытаскивал за хвост тушу. Змеиная голова свесилась набок, вывалив язык, лапы иглоноса путались, но наша лабиринтная находка была счастлива по уши.

– Великий Кернос, – слабо простонал мужчина. – Это... это ваше?

Возражать было бессмысленно, тем более что иглонос бросил свою находку и, подбежав ко мне, радостно ткнулся носом в спину.

– Наше, – кисло согласился милез.

Собеседник потрясенно выдохнул и медленно вышел из кустов. Я разглядела копытца и ахнула: агуанин! Нет, действительно агуанин. Когда он заговорил на этом языке, у меня возникли какие-то подозрения, но я подумала, что он нас за представителей той расы принял.

Моего потрясения местный житель как будто и не заметил. Покосившись на иглоноса, он поинтересовался:

– Не кинется?

– Нет, – наконец собралась с мыслями я, к счастью так и не произнеся при этом просящееся на язык «надеюсь».

– То есть вы... эту химеру...

– Мы, – не стал спорить капрал. – Эту химеру.

Меня так и подмывало уточнить, что мы тут в принципе ни при чем, но разочаровывать агуанина не хотелось. Я промолчала.

А тот вдруг крутанулся на месте и, поспешно пробормотав:

– Подождите, не уходите, я сейчас! – метнулся в кусты. – Э-э-эй! – завопил он. – Все сюда! Химера мертва!

Вернулся он примерно через полчаса. Да не один, а в сопровождении еще десятка агуан: все как на подбор крепкие, мускулистые и с дрекольем. Впереди вышагивал пожилой мужчина лет шестидесяти, полностью седой, даже шерсть на ногах белесая.

– Вот! – радостно выдохнул наш новый знакомый. – Они химеру уничтожили!

Нас пригласили в деревню. Капрал, надо сказать, был против. Я так подозреваю, он опасался, что сейчас кто-нибудь присмотрится к его волосам и цвету кожи и начнет возмущаться по поводу полукровок. Но, похоже, местные жители были настолько рады смерти химеры, что им было совершенно все равно, кто это сделал: даже если бы Вечный Змей вдруг решил помочь, не стали задавать вопросов.

Лошадь, тянущая телегу, на которую погрузили тушу убитого монстра, фыркала и косилась по сторонам. Изредка ее взгляд падал на трусившего рядом со мной иглоноса, и бедное животное в страхе вставало на дыбы: агуанам приходилось все время удерживать кобылу, чтобы та не понесла.

Судя по разговорам, химера поселилась в лесу около месяца назад. Пришла невесть откуда, облюбовала местечко и принялась по ночам навещать близлежащую деревню: резала кур да овец. А потом и за их хозяев принялась.

Сегодняшняя охота долженствовала положить конец бесчинствам зверя. И надо же было такому случиться, что мы столь удачно выполнили всю грязную работу. Ну ладно, не мы, я даже руку не приложила, но сам факт!

Агуане собирались устроить праздник по поводу избавления от чудовища, и мы должны были присутствовать на этом мероприятии в качестве почетных гостей.

Я следила за прыгающим вокруг телеги иглоносом – я же так и не придумала, как его называть! – а потому не сразу заметила, что капрал Иассир о чем-то шепчется с тем самым агуанином, который нас нашел. Наконец милез договорился, кивнул и отошел от собеседника.

– О чем вы разговаривали, капрал? – заинтересовалась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.